

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Ю. В. ФОМЕНКО

ЯЗЫК И РЕЧЬ

Учебное пособие

НОВОСИБИРСК
1990

Печатается по решению
редакционно-издательского совета

Автор: д-р филол. наук **Ю. В. Фоменко.**

Язык и речь: Учебное пособие. — Новосибирск: Изд. НГПИ, 1990.—79 с.

Настоящее пособие посвящено одной из самых важных и самых трудных проблем современного языкознания — проблеме языка — речи.

Язык и речь интерпретируются не как два самостоятельных объекта, а как два состояния одного. Речь — это язык в действии, это процесс коммуникации с помощью языка. Язык относится к речи, как статика к динамике, сущность к явлению, возможность к действительности.

Единицей языка является слово. Фонемы и морфемы — это элементы, а предложение (фраза) — это свободная комбинация слов, выполняющая коммуникативную функцию.

Процесс речевой коммуникации состоит из кодирования и декодирования, т. е. «превращения» мысли в слово и слова — в мысль.

Пособие адресуется студентам-филологам, а также аспирантам, учителям-словесникам, вузовским преподавателям.

Научный редактор — канд. филол. наук **М. П. Алексеева.**

Рецензенты: **кафедра** русского языка Омского государственного университета; **кафедра** русского языка Новосибирского государственного педагогического института.

ОТ АВТОРА

Понятия языка и речи относятся к числу, самых важных и самых трудных понятий языкознания. Они имеют фундаментальное значение для теории языка и для его практического изучения и описания. В то же время следует признать, что в практике преподавания и описания языка имеют место многочисленные случаи смешения фактов языка и речи. Прежде всего это касается концепций, возводящих в ранг единиц языка такие речевые образования, как свободное словосочетание (В. В. Виноградов) и конкретное высказывание (В. Г. Гак). Желание предельно четко разграничить понятия языка и речи и сделать их «активно работающими» (точнее, внести свою лепту в решение этой трудной задачи) и побудило автора взяться за перо.

Автор стремился учесть всю известную ему литературу по проблеме, все имеющиеся точки зрения; каждый раз он, естественно, выбирал ту, которая является наиболее сильной, т. е. аргументированной.

Вследствие нерешенности целого ряда вопросов, относящихся к излагаемой теме, автору во многих случаях приходилось давать собственные решения и собственные формулировки.

На страницах пособия не мог не найти места критический анализ ряда спорных идей и трактовок, касающихся проблемы «язык и речь».

Пишущий эти строки убежден, что настало время провести понятия языка и речи через все частные лингвистические курсы, прежде всего и главным образом — через курс современного русского языка. Попытка такого рода содержится в 6-м разделе пособия — «Лингвистические единицы на уровне языка и на уровне речи». Эта попытка может показаться читателю не совершенной, однако ее несовершенство будет объясняться не столько субъективными, сколько объективными причинами, а именно — недостаточной разработанностью проблемы.

Предлагаемое пособие адресуется студентам филологических факультетов, а также аспирантам, учителям-словесникам, вузовским преподавателям.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

С разграничением языка и речи мы имеем дело на каждом шагу. Мы отчетливо разграничиваем язык народа, в частности русского, и язык (речь) его отдельных представителей. Один человек говорит по-русски хорошо, другой — плохо, третий — посредственно, т. е. каждый по-своему. Язык у них один и тот же, а манера, способ, умение пользоваться им — разные. В связи с этим возникает и необходимость специального учения о качествах образцовой речи, о правилах использования языка с учетом сферы общения, темы высказывания, характера аудитории и других факторов.

Если бы речь не была проявлением чего-то общего для всего говорящего коллектива, то она не была бы речью. Отдельные речевые произведения существовали и осознавались бы как совершенно самостоятельные явления. Между тем отдельные речевые акты осознаются людьми именно как различные проявления одной и той же сущности — языка. Язык существует и тогда, когда весь народ молчит. Это означает, что речь нельзя отождествлять с языком.

Ни одно наше высказывание мы не назовем языком. Оно всего лишь реализация той или иной совокупности единиц языка. Поэтому-то мы не можем овладеть языком, овладев лишь тем или иным конкретным высказыванием, даже большого объема. Информацию о языке человек с детства извлекает из речи, интуитивно понимая, что язык и речь — величины нетождественные.

Иногда наблюдаются патологические ситуации, когда человек утрачивает речь (точнее, способность говорить), но сохраняет язык, т. е. продолжает владеть языковой структурой, способен воспринимать чужие высказывания. Впоследствии речевая способность у этого человека может восстановиться.

И лингвистический опыт, и логический анализ, и данные психолингвистики приводят нас к выводу об отсутствии тождества между языком и речью.

2. ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА. ДИХОТОМИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ У СОССЮРА

Проблема языка и речи была впервые сформулирована гениальным немецким лингвистом Вильгельмом Гумбольдтом (1767—1835), который различал язык как «орган, образующий мысль»

(Гумбольдт, 1956, 78)¹ и «речевую деятельность», «процесс речи» (Гумбольдт, 1956, 80). «В беспорядочном хаосе слов и правил, который мы обычно именуем языком, — писал Гумбольдт, — наличествуют только отдельные элементы, воспроизводимые — и притом неполно — речевой деятельностью; необходима все повторяющаяся деятельность, чтобы можно было познать сущность живой речи и создать верную картину живого языка» (Гумбольдт, 1956, 73).

Практически разграничивали язык и речь выдающиеся русские языковеды А. А. Потебня и И. А. Бодуэн де Куртенэ. Последний уже в 1871 г. отличал язык «как определенный комплекс известных составных частей и категорий, существующий только *in potentia* и в собрании всех индивидуальных оттенков», от языка «как беспрерывно повторяющегося процесса, основывающегося на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам ему подобным» (Бодуэн де Куртенэ, т. 1, 77). Однако развернутое учение о языке и речи принадлежит основоположнику современного структурализма, лингвисту с мировым именем, швейцарскому ученому Фердинанду де Соссюру (1857—1913). Это учение изложено в книге «Курс общей лингвистики», вышедшей после смерти автора, в 1916 году.

Как и всю свою лингвистическую концепцию, учение о языке и речи Соссюр строит в форме антиномий².

Характеризуя противопоставленные понятия языка и речи, Соссюр охватывает их более широким, общим понятием речевой деятельности. Эту триаду понятий можно представить себе следующим образом (рис. 1):

Речевая
деятельность

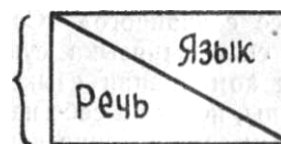

Рис 1.

Язык для Соссюра — это система знаков и правил их комбинирования; речь же — это использование нашей знаковой систе-

¹ Библиографическая ссылка состоит из фамилии автора, года издания и номера страницы; полные названия работ приводятся в разделе «Цитируемая литература».

² Термин «антимония» означает противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, признаваемыми в равной степени истинными.

мы в целях общения. Язык и речь «тесно связаны между собой и предполагают друг друга: язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык...» (Соссюр, 1977, 57).

До сих пор мы соглашались с Соссюром. Но здесь он делает неожиданное заявление, будто бы язык и речь являются «двумя совершенно различными вещами» (Соссюр, 1977, 57). К этому выводу Соссюр пришел, рассмотрев свойства языка и речи и признав их полностью исключаящими друг друга. Каковы же эти свойства?

Прежде всего язык противопоставляется речи как явление социальное явлению индивидуальному. Будучи социальным продуктом, усваиваемым каждым индивидом в готовом виде, язык всегда социален. Речь же, напротив, всегда индивидуальна. Каждый акт речи имеет автора, строящего речь по своему усмотрению. «...Речь есть индивидуальный акт воли и разума...» (Соссюр, 1977, 52).

Язык, далее, противостоит речи как потенция ее реализации. Язык дан в голове каждого говорящего, а речь — это языковая деятельность индивида, использующего свои языковые знания, свою языковую способность в целях передачи информации другому члену общества. Речь относится к языку, как исполнение симфонии к самой симфонии, реальность которой не зависит от способа исполнения.

Язык также противопоставляется речи как устойчивое и долговечное неустойчивому и недолговечному. Структура языка в принципе одинакова у всех говорящих и может оставаться неизменной в течение веков, тогда как акты речи «индивидуальны и мгновенны» (Соссюр, 1977, 57).

Язык отличается от речи как «существенное от побочного и более или менее случайного» (Соссюр, 1977, 52). Каждый элемент знаковой системы языка существенен, стабилен и необходим, тогда как комбинации языковых знаков в речи индивидуальны и случайны, несут на себе печать личности автора.

Наконец, язык есть явление психическое, а речь — психофизическое. Язык локализуется в мозгу каждого индивида и представляет собой «систему знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба компонента знака в равной мере психичны» (Соссюр, 1977, 53; см. также: 45, 49, 57, 99 и др.).

Все эти различия представляются Соссюру несовместимыми, и поэтому он считает, что должны существовать две науки — лингвистика языка и лингвистика речи, не имеющие между собой ничего общего.

С этими крайними выводами Соссюра согласиться нельзя.

Обнаружив перечисленные нами противоречия между языком и речью, Соссюр абсолютизирует их, не замечая или — с целью подчеркнуть эти антиномии — не желая замечать их диалектической связи.

Обратимся прежде всего к противопоставлению языка речи как явления социального явлению индивидуальному. И в самом курсе, и — особенно — в лекциях, не нашедших отражения в этой книге, Соссюр обнаруживает более глубокое, диалектическое понимание социального и индивидуального в языке и речи. Это стало известно сравнительно недавно, в 1957 году, после выхода в свет книги ученика Соссюра Р. Годеля «Рукописный курс общей лингвистики Ф. де Соссюра» (см.: Слюсарева, 1971, 57).

По словам Годеля, Соссюр следующим образом разъяснял индивидуальное в речи: «В исполнительной части 1) индивид остается хозяином; исполнение никогда не может быть массовым; оно остается индивидуальным: это речь». С такой интерпретацией индивидуального в речи нельзя не согласиться. Переформулируя мысль Соссюра, В. Я. Мыркин пишет: «...Речь социальна по значению и индивидуальна по исполнению» (Мыркин, 1970₁, 103).

Более того, по признаку социальности — индивидуальности можно противопоставить не только язык речи, но и речь языку, поскольку язык хранится в сознании отдельных индивидуумов, а речь всегда межиндивидуальна, социальна по своей природе, по своему предназначению. Это понимал и Соссюр. При первом чтении своего курса в Женевском университете он говорил: «Из двух сфер сфера речи более социальна, вторая более индивидуальна. Язык — индивидуальный клад; все, что входит в голову, т. е. в сознание, индивидуально» (см.: Мыркин, 1970₁, 103). Но тут же Соссюр добавляет: «Все, что в действительности считается внутренней сферой индивида, всегда социальное, ибо ничто не поступает сюда, не будучи прежде санкционировано общим употреблением во внешней сфере речи» (см.: Мыркин, 1970₁, 104)³.

Сходную мысль высказал Т. П. Ломтев: «И язык, и речь имеют общественную, социальную природу. Но в акте общения социальная природа языка принимает форму индивидуальной речи. Язык в акте общения не существует иначе, как в форме индивидуального говорения» (Ломтев, 1961, 69).

³ Здесь уместно вспомнить следующее высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса: «Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956, — С. 590).

Действительно, речь, как и язык, имеет социальный характер, потому что для ее осуществления, как заметил сам Соссюр, необходимо минимум два человека (Соссюр, 1977, 49), потому что она является средством объединения людей в коллектив. В то же время каждый говорящий применяет язык, т. е. строит речь, по-своему, не так, как другие. В этом заключается индивидуальный характер речи. Таким образом, речь и социальна, и индивидуальна, причем социальность — ее главное свойство. Индивидуальное в речи образует то, что А. И. Смирницкий назвал «сверхязыковым остатком». Все то, что есть в языке, есть и в речи, но не все, что есть в речи, есть в языке.

«Язык — потенция, речь — ее реализация». Несовместимы ли эти признаки? Напротив, они предполагают друг друга.

Нельзя считать несовместимыми и такие признаки языка и речи, как устойчивость и неустойчивость. Сам язык — категория историческая, он подвержен изменениям, так что содержит в себе элемент неустойчивости. В свою очередь, в речи как реализации одной и той же языковой системы признак устойчивости преобладает над признаком неустойчивости. Если бы в речи преобладало неустойчивое, то она была бы непонятна для адресата и не смогла бы выполнять свою функцию передачи информации.

Не являются антагонистическими и такие признаки языка и речи, как психичность и психофизичность. Язык действительно психичен, потому что локализуется в мозгу отдельных индивидуумов, но, будучи примененным в качестве орудия общения, он становится психофизичным, т. е. обязательно выявляется в звуках, в звуковой материи. Существование (хранение) языка имеет психический (нейрофизиологический) характер, а применение — психофизический. Как внешняя, так и внутренняя речь, говорит И. С. Торопцев, «психофизиологофизична» (Торопцев, 1985, 38). Речь — это звуковая материализация языка.

Невозможно согласиться с интерпретацией языка и речи как существенного и несущественного. Речь нельзя считать несущественной, если согласиться с тем, что она есть применение языка как орудия общения. Нефункционалирующее орудие общения перестает быть таковым. С этой точки зрения речь не менее существенна, чем язык.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите лингвистов, внесших наибольший вклад в разработку вопроса о языке и речи.
2. С помощью каких антиномий характеризует Соссюр язык и речь?

3. СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Дихотомическую концепцию языка/речи разделяет подавляющее большинство современных советских и зарубежных лингвистов (а также психологов, нейропсихологов и нейрофизиологов⁴). Отрицают ее немногие. Это, например, Г. Шухардт, А. С. Чикобава, А. Г. Волков, А. Г. Спиркин, Г. В. Колшанский, Г. П. Щедровицкий, Т. С. Шарадзенидзе и некоторые другие⁵.

Итак, что же такое язык и речь?

Язык — это средство, орудие общения, а речь — это применение языка с целью общения, это «язык в действии» (Беляев, 1958, 13), это «кратковременная, исторически неповторимая деятельность, использующая слова» (Гардинер, 1965, 15), это «вид человеческой деятельности, проявляющийся в пользовании языком (как в устной, так и в письменной форме) в процессе общения и мышления» (Энциклопедический словарь. — М., 1955. — Т. 3. — С. 103). Язык и речь можно сравнить с анатомией (т. е. строением живого организма) и физиологией (т. е. с его функционированием). Язык и речь необходимо предполагают друг друга. Как пишет В. А. Звегинцев, «здесь мы имеем дело... не с различными и независимыми «вещами», как их иногда толкуют, и даже не просто связанными друг с другом «предметами», а с взаимопроникающими явлениями, не допускающими игнорирования взаимных мощных и всеобъемлющих воздействий» (Звегинцев, 1968, 103 — 104). Язык и речь образуют диалектическое единство, элементы которого противопоставлены друг другу и обуславливают друг друга. «...Естественный язык... существует в двух ипостасях: язык как система виртуальных знаков и моделей их сочетаемости и язык как актуальная речь, конкретная реализация этой системы» (Аспекты, 1980, 57). Можно сказать, что язык и речь — это два состояния одного объекта (феномена)⁶. Язык — это статика, речь — динамика. «...Будучи событием, действием, Р. разворачивается во времени и пространстве, она динамична, язык же дан в отвлечении от этих параметров мира, представляя собой явление статическое...» (Рус. яз.: Энци., 1979, 256).

⁴ См., напр.: Психологические и психофизиологические исследования речи.— М., 1985.— С. 3, 4, 9, 177 и др.

⁵ Аргументацию противников дихотомической концепции языка/речи мы рассмотрим в конце раздела.

⁶ Н. Д. Арутюнова пишет: «Различаются две формы существования Я., соответствующие противопоставлению понятий «язык» и «речь» (Рус. яз.: Энци., 1979, 410).

Мы помним, что Соссюр называл это единство речевой деятельностью. Последний термин в языкознании, однако, не прижился, поскольку он ориентирован, в сущности, не на единство языка и речи, а на речь как таковую. Для обозначения вышеупомянутого единства современные лингвисты обычно используют термин *язык*, который, таким образом, выступает то в видовом, то в родовом значении (см.: Звегинцев, 1968, 111; Рус. яз.: Энци., 1979, 255). Для обозначения видовых понятий «язык» и «речь» часто используют составные термины *уровень языка и уровень речи*.

Естественный язык есть язык слов. Если слово приравнять к знаку (а основания для этого есть), то мы определим язык как особую, специфическую, уникальную систему знаков, а речь — как коммуникацию (сообщение) на основе этой системы. Исследователь может воспользоваться также терминами *код* и *сообщение*, так как термином *код* часто обозначают любую, в том числе и языковую, систему знаков.

Язык и речь иногда называют системой (разумея под системой множество взаимосвязанных элементов, в данном случае — слов) и текстом (иначе — корпусом) (Звегинцев, 1968, 94). Правда, если под текстом понимать произведение речи (речевой отрезок), зафиксированное на письме, то понятие «текст» окажется уже понятием «речь». К терминам *система* и *текст* близки термины *схема* (модель, структура, общий план устройства, организации чего-либо) и *узус* (принятое употребление).

Язык и речь противопоставляются друг другу по признаку воспроизводимости: язык воспроизводится (т. е. регулярно используется как постоянно существующая знаковая система), а речь строится (т. е. возникает по воле говорящего, является актом индивидуального творчества).

Язык конечен, поскольку представляет собой относительно замкнутую (хотя и открытую) систему, речь же бесконечна, поскольку бесконечно число речевых произведений, которые могут быть построены на основе того или иного языка.

Если интерпретировать язык и речь в терминах философии, то мы представим их как сущность и явление, общее и частное, абстрактное и конкретное (Мыркин, 1971, 54). Непосредственно, в актах общения мы имеем дело с явлением речи, но за этим явлением стоит та сущность, которая носит название *язык*. Речь дана нам на уровне живого созерцания, а язык — на уровне абстрактного мышления. В связи с интерпретацией языка как общего (по отношению к речи как частному) уместно вспомнить высказывание В. И. Ленина: «В языке есть только общее». Всякая же речь конкретна (в сравнении с языком). Она есть част-

ный случай применения языка с конкретной целью, для выражения определенной, конкретной мысли.

Желая подчеркнуть абстрактный характер языка, Ю. М. Скребнев сравнивает его с общественно-экономической формацией: никто не сомневается в существовании последней, «несмотря на то, что фактическому восприятию доступны лишь конкретные, частные проявления совокупности общественных отношений» (Межвуз. конф., 1962, 65).

Язык надситуативен, т. е. не привязан ни к какой конкретной ситуации, речь же ситуативна, т. е. обычно отражает ту или иную конкретную ситуацию.

Язык и речь могут быть противопоставлены как возможность и действительность (иначе — как потенция и реализация, виртуальное и актуальное).

Язык есть возможность речи, речь есть действительность (проявление, реализация, объективация) языка.

К терминам *возможность* и *действительность* близки термины *умение* и *делание*, которые тоже иногда используются при характеристике языка и речи.

Некоторые лингвисты квалифицируют язык и речь как необходимое и случайное. (Приемлем ли такой подход? Если говорить об отдельных речевых произведениях, то их можно квалифицировать как случайность. Если же говорить о речи вообще, в целом, то она так же необходима, как и язык. Ведь язык и речь предполагают друг друга и невозможны друг без друга.

Как мы уже говорили, язык социален по своей функциональной природе, по своему предназначению и индивидуален по способу хранения (существования). Таким образом, он социален и индивидуален одновременно, причем социальность — его главное свойство. Те же самые признаки социальности и индивидуальности (и в той же пропорции) свойственны и речи.

Социальность речи проявляется и в том, что она служит объединению людей в коллектив, и в том, что она строится на базе единого для всего говорящего коллектива языка.

В чем же проявляется индивидуальность речи?

Индивидуальность речи проявляется, во-первых, в отборе элементов языка (слов и фразеологизмов), в употреблении одних и отказе от других. Один из нас, к примеру, регулярно пользуется термином *флексия*, другой — никогда не прибегает к нему, предпочитая синонимический термин *окончание*. Индивидуальность речи проявляется, во-вторых, в частотности (т. е. в частоте употребления) тех или иных элементов языка. Например, в речи одного человека слово *вопрос* используется редко, в речи другого — очень часто (что, кстати, портит речь). Индивидуальность речи проявляется, в-третьих, в порядке расположения язы-

ковых элементов в фразе. Например, М. Горький сказал: «Когда человек говорит мало — он кажется умнее». Эта фраза у другого автора могла бы выглядеть иначе с точки зрения словорасположения: «Человек кажется умнее, когда говорит мало». Индивидуальность речи проявляется, в-четвертых, в разного рода модификациях (видоизменениях) используемых нами языковых элементов. Чаще всего это случаи употребления слов в несвойственных им (метафорических) значениях. Например: «Море смеялось» (М. Горький); «Добродетель есть здоровье души, здоровье — добродетель тела» (П. Прудон). Индивидуальность речи, в-пятых, может проявляться также в актах словотворчества, в употреблении индивидуально-авторских неологизмов. Например: «А я уже в предпесенной тревоге» (А. Ахматова).

Если язык — достояние всего говорящего коллектива, то речевое произведение всегда является принадлежностью того или иного конкретного лица, т. е. имеет автора.

Если язык «объективен и обязателен», то речь («субъективна и произвольна»; (Рус. яз.: Энци., 1979, 256).

Не язык как таковой, а именно, речь непосредственно связана с экстралингвистической действительностью⁷. Все изменения языка обязательно начинаются в речи (точнее — в языке индивидуума⁸). Так, например, слово *стушеваться* впервые было употреблено в речи Ф. М. Достоевского. Подхваченное — благодаря авторитету писателя — многими другими людьми, оно постепенно вошло во всеобщее употребление, т. е. в язык.

Из сказанного естественным образом вытекает положение о том, что язык исторически вторичен, а речь исторически первична. Наоборот, с синхронной (современной) точки зрения язык первичен по отношению к речи, а речь вторична по отношению к языку: всякое речевое произведение строится из элементов, уже существующих в языке и извлекаемых из него по требованию передаваемой мысли.

Есть основания говорить, что язык парадигматичен, а речь синтагматична. Что это значит? Под парадигмой в узком смысле слова понимают совокупность форм отдельной лексемы; под парадигмой в широком смысле слова понимают любую совокупность языковых единиц (слов), одновременно существующих (сосуществующих) в языке (в памяти, сознании) и находящихся в отношениях противопоставления; под синтагмой понимают сочетание слов, следующих друг за другом. Таким образом, язык —

⁷ «...Язык отражает мир неточно, контурно, приблизительно, вне взаимосвязей, со многими лакунами, порой даже искаженно...» (Мыркин, 1986, 57), «...Речь ...отражает мир довольно полно, адекватно, детально, во взаимосвязях, оперативно...» (Там же).

⁸ Язык индивидуума — это индивидуальный вариант общенародного языка.

это инвентарь («список», перечень, набор, совокупность) знаков (способных сочетаться друг с другом), а речь — комбинация некоторых из этих знаков, извлеченных говорящим из языка для выражения той или иной мысли. Между элементами языка наблюдаются парадигматические отношения, а синтагматические отношения даны как потенция. В речи — наоборот. Речь всегда линейна, а язык объемлен.

Язык — явление неидеологическое, неклассовое, т. е. он безразличен к классам, не несет в себе ту или иную классовую идеологию. Что же касается отдельных речевых произведений, то они могут иметь и часто имеют классовый, идеологический характер⁹. Таковы, например, стихотворение А. Пушкина «Вольность», «Письмо Белинского к Гоголю», «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина и т. д.

Язык и речь различаются с логической точки зрения. В языке (в словах) закреплены понятия, в речи создаются суждения. Язык непосредственно соотнесен с сознанием, а речь — с мышлением¹⁰. Язык так относится к речи, как сознание к мышлению, понятие к суждению, слово к предложению.

Язык и речь — явления многоаспектные, поэтому их оппозицию можно представить в самых разных терминах. В то же время это явления уникальные. Поэтому все определения языка/речи через пары других понятий/терминов всегда имеют относительный характер.

Ошибочным является противопоставление языка речи как системного асистемному (несистемному): язык не утрачивает свою системность в процессе функционирования (см.: Сидоров, 1987).

Можно ли рассматривать язык как содержание, а речь как форму? Такое толкование языка и речи было бы скорее всего метафорой, не более. Кроме всего сказанного ранее, следует помнить, что язык сам уже есть форма (по отношению к мышлению как содержанию).

«Кроме указанных характеристик, выделенных по их оппозиции свойствам языка... — замечает Н. Д. Арутюнова, — Р. обладает рядом параметров, непротивопоставляемых непосредственно отдельно взятым чертам языка. Эти параметры относятся к способу осуществления речевой деятельности и вытекают из субъективности, конкретности и ситуативной обусловленности

⁹ Имеется в виду не языковой материал, а содержание речевых произведений (текстов).

¹⁰ Сознание — это «высшая форма отражения действительности, ...свойство, способность высокоорганизованной материи мыслить...», а мышление — «высшая форма движения материи, активный процесс отражения объективной действительности», — пишет М. М. Копыленко (Межвуз. конф., 1962, 115; выделено автором. — Ю. Ф.). См. еще: Хабургаев, 1967, 295—299.

Р.» (Рус. яз.: Энци., 1979, 256). Как известно, речь может иметь две формы — диалогическую и монологическую. Обязательные характеристики речи — темп, продолжительность, тембр, громкость, четкость и другие интонационно-фонетические признаки. В речи отражается психологическое состояние говорящего, в связи с чем ее оценивают как эмоциональную, взволнованную, спокойную, насмешливую и т. д. Всякая речь характеризуется с содержательной, этической и эстетической точек зрения (и поэтому говорят о речи содержательной, пустой, осмысленной, бессмысленной, связной, сбивчивой и т. д.; правильной, неправильной, исковерканной и т. д.; художественной, поэтической, изящной, изысканной, образцовой, безупречной, грубой, грубоватой и т. д.).

Итак, язык — это «стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире» (Рус. яз.: Энци., 1979, 410), а речь — это «конкретное говорение, происходящее в звуковой (включая внутреннее проговаривание) или письменной форме. Под Р. принято понимать как сам процесс говорения, так и результат этого процесса, т. е. и речевую деятельность, и речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом». (Рус. яз.: Энци., 1979, 255). Речь — это и процесс говорения (речевые акты), и речевой материал (результат процесса говорения, речевое произведение). Речевой материал, закрепленный на письме, — это текст. Иногда словом *текст* называют речевой материал, не зафиксированный на письме, что, однако, нежелательно. Язык и речь «в совокупности образуют единый феномен языка. Р. есть воплощение, реализация языка..., к-рый обнаруживает себя только в Р. и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение» (Рус. яз.: Энци., 1979, 255).

Таково современное понимание проблемы «язык и речь».

Кроме дихотомической концепции языка, в литературе существует трихотомическая концепция, выдвинутая Э. Косериу. Согласно трихотомической концепции, в языке усматриваются три уровня: уровень структуры, уровень нормы и уровень индивидуальной речи. «Под *уровнем индивидуальной речи*, — пишет Ю. С. Степанов, — понимается реальный акт речи, включающий говорящего и слушающего с их индивидуальными чертами произношения и понимания...» (Степанов, 1966, 5; выделено автором. — Ю. Ф.). Таким образом, уровень индивидуальной речи в трихотомической концепции совпадает с уровнем речи в дихотомической концепции. «Уровень нормы... — это язык, рассмотренный с несколько большей высоты абстракции». «Понятие нормы

включает лишь те явления индивидуальной речи, которые являются повторением существующих образцов, принятых в данном человеческом коллективе» (Степанов, 1966, 5). *Уровень структуры* — «это язык, рассмотренный с еще большей абстракцией» (Степанов, 1966, 5).

Как видим, и «уровень структуры», и «уровень нормы» — это язык, т. е. стихийно возникшая уникальная система знаков, предназначенная для общения людей. Как пишет сам Э. Косериу, «...функциональный язык... — это «система функциональных противопоставлений и нормальных реализаций, или, точнее, это *система* и *норма*», Косериу, 1963, 174; выделено автором. — Ю. Ф.). «...Норма в каждый данный момент представляет синхронное... равновесие системы» (Косериу, 1963, 175). «...Норма, — справедливо замечает Б. Н. Головин, — это *свойство* структуры, а не ее коррелят» (Березин, Головин, 1979, 18; выделено автором. — Ю. Ф.). «...Термин «норма» лучше было бы использовать в его привычном для русистов применении — для выражения понятия о литературно узаконенных и общепринятых в сфере литературной речи реализациях вариативных возможностей языка» (Березин, Головин, 1979, 18). Таким образом, попытку заменить дихотомическую концепцию языка трихотомической приходится признать неудавшейся. Структуру, норму и индивидуальную речь нельзя считать тремя особыми состояниями языка.

В лингвистической литературе представлен и другой вариант трихотомической концепции — «язык — речь — текст». Например, книга М. И. Черемисиной так и называется: «Лекции по лингвистике: Язык. Речь. Текст» (Новосибирск, 1970). Но что такое текст? Можно ли рассматривать его как явление, однопорядковое по отношению к языку и речи? Нет, нельзя. Ведь текст — это «произведение речи, зафиксированное на письме» (Ахманова, 1966, 470), это «всякая записанная речь» (Кривоносов, 1986, 31). Иначе говоря, текст — это понятие видовое по отношению к родовому понятию речи. Таким образом, формула «язык — речь — текст» свертывается в формулу «язык — речь».

Рассмотрим теперь аргументацию противников дихотомической концепции языка — речи. В большинстве случаев языковеды полемизируют с крайностями концепции Соссюра (критический анализ которых сделан выше), а не с современным пониманием проблемы. Например, А. С. Чикобава (см.: Чикобава, 1959, 116) ссылается на то, что речь нельзя считать чисто индивидуальным явлением, как это делает Соссюр. Но современное языкознание и не придерживается этой точки зрения. Речь не только индивидуальна, но и социальна. Если мы исходим из этой посылки,

то возражение А. С. Чикобавы теряет под собой почву. Т. С. Шарадзенидзе возражает против понимания языка и речи как двух самостоятельных объектов, против их разрыва. Однако этот разрыв, свойственный Соссюру, в современном языкознании преодолен. Язык и речь понимаются не как два самостоятельных объекта, а как два состояния одного. При таком подходе возражение Т. С. Шарадзенидзе должно быть снято. Нельзя не отметить, что мысль о необходимости различения языка и речи пробивает себе дорогу и на страницах книги Т. С. Шарадзенидзе. Например, она пишет: «...Язык обозначает совокупность средств, используемых для взаимоотношения людей, а речь — сам процесс их использования» (Шарадзенидзе, 1971, 38); «Одно дело — знание языка, владение навыками говорения на данном языке и другое — реализация этого знания, его использование в том или ином конкретном случае» (Шарадзенидзе, 1971, 40).

Наиболее развернутую аргументацию против дихотомии язык — речь мы найдем в статье Г. В. Колшанского «О правомерности различения языка и речи».

Первый аргумент Г. В. Колшанского — утверждение, что язык — это не реальный объект, а научная абстракция (см.: Колшанский, 1964, 18, 20, 23, 27). Однако разве в голове рядового *носителя языка* не существует знаковая система, которую он каждый раз в случае необходимости пускает в ход? Не владея языком, нельзя построить речь. Ведь речь — это применение языка, это язык в действии. Все отдельные речевые акты осознаются как различные проявления одной и той же сущности — языка. Язык существует и тогда, когда его (временно) не применяют. Нужно четко разграничивать знание языка и знание о языке. Знание языка (практическое владение языком) свойственно любому носителю языка, знание же о языке — это теоретическое знание о языке-объекте, свойственное лингвисту. Вспомним еще раз, что язык — это уникальный объект: он существует в головах людей, в их памяти.

Научную систему Г. В. Колшанский предлагает считать «кодом», а «язык — речь» — «сообщением» (Колшанский, 1964, 21). Но код — это не знание о языке (или языке — речи), а сам язык, и сообщение — это не «язык — речь» (как вообще понимать это объединение двух противопоставляемых понятий? — Ю. Ф.), а речь. Научная система, научное знание не являются системой знаков, используемой для коммуникации.

«Выходит, — пишет Г. В. Колшанский, — что человек как бы (? — Ю. Ф.) использует элементы, существующие в языке, каждый раз в процессе говорения. Другими словами, человек воспроизводит в речи то, что уже дано в некоторой системе, называемой языком» (Колшанский, 1964, 20). Да, в принципе так и

есть. А как иначе можно представить себе процесс речеобразования? Можно ли говорить, если ты не владеешь «элементами, существующими в языке»? Если мы, например, владеем «элементами, существующими в русском языке», то мы можем говорить по-русски, а если не владеем «элементами, существующими в китайском языке», то не можем говорить по-китайски. Иначе говоря, владея языком, можем строить речь, не владея — не можем.

Обоснование почти общепринятого (! — Ю. Ф.) различения языка и речи проводится, главным образом, — говорит Г. В. Колшанский, — с помощью доводов о раздельном существовании языка как системы и речи как индивидуального акта» (Колшанский, 1964, 17). Но ведь сторонники дихотомической концепции считают язык и речь не двумя самостоятельными сущностями, а двумя проявлениями, двумя состояниями одной!

«...Признавать реальное существование системы языка, — продолжает Г. В. Колшанский, — ...значит признавать существование отдельной сущности языка» (Колшанский, 1964, 18). «Раздельное представление... единичного и общего в науке должно быть признано только условным» (Колшанский, 1964, 21). Но, во-первых, язык — явление уникальное, единственное в своем роде. Во-вторых, речь по отношению к языку — не отдельный объект, а другое его состояние. В-третьих, даже если интерпретация языка и речи как сущности и явления, общего и частного требует уточнения, это никак не ставит под сомнение реальность самих явлений языка и речи.

Кстати, Г. В. Колшанский почему-то считает, что категории сущности и явления «больше (но не целиком? — Ю. Ф.) относятся не к вопросу бытия предмета, а к вопросу познания этого предмета...» (Колшанский, 1964, 22). Как кажется, философы не считают эти категории чисто гносеологическими, да и сам, Г. В. Колшанский пишет «больше».

«Представление речи как индивидуального акта в противоположность некоторому социальному акту (? — Ю. Ф.), свойственному (? — Ю. Ф.) всему народу... может быть объяснено, — утверждает Г. В. Колшанский, — только при одном условии — если будет доказано, что индивид существует вне общества, а общество не предполагает наличия индивидов. Так как этот тезис не может быть доказан в рамках истинной диалектики, то с необходимостью следует признать, что раздельное существование языка общества и языка индивида (речи) невозможно, а потому алогично и утверждение о двух (языковой и речевой) формах коммуникации» (Колшанский, 1964, 18—19). Это высказывание представляет собой причудливое смешение ошибок и подмен. Из учения о языке и речи вовсе не вытекает «утверж-

дение о двух (языковой и речевой) формах коммуникации». Сторонники дихотомической концепции исходят из того, что язык предназначен для коммуникации, а речь есть сама коммуникация, коммуникативная деятельность на базе языка.

Дихотомическая концепция языка вовсе не предполагает «раздельное существование языка общества и языка индивида (речи)». Язык общества существует в форме множества языков индивидов, образующих данное общество. Кроме того, язык индивида не есть речь, а речь не есть язык индивида.

Совершенно непонятно, почему, с точки зрения Г. В. Колшанского, противопоставление речи как индивидуального акта языку как общественному достоянию (которое Г. В. Колшанский почему-то назвал «социальным актом») «может быть объяснено только при одном условии — если будет доказано, что индивид существует вне общества, а общество не предполагает наличия индивидов». На самом деле все обстоит прямо противоположным образом. Чтобы представить язык как общественное достояние, а речь как индивидуальный акт его использования, нужно как раз исходить из наличия необходимой связи между обществом и индивидом.

«Отрыв индивидуального от социального, — говорит Г. В. Колшанский, — ...так же неправилен, как неправилен разрыв отдельного и общего, свойств каждой вещи и явлению» (Колшанский, 1964, 19). Конечно, «отрыв» и «разрыв» неправилен. Но ведь сторонники дихотомической концепции ни о каком разрыве языка и речи не говорят. Они, напротив, подчеркивают, что язык и речь предполагают друг друга и невозможны друг без друга.

Вообще, Г. В. Колшанский нередко пользуется запрещенным приемом: сначала в той или иной мере искажает точку зрения оппонентов, а потом критикует ее. Например, он пишет: «Краткий анализ аргументов, как видно, не дает оснований безоговорочно заключить вслед за Соссюром об оправданной (? — Ю. Ф.) реальности (? — Ю. Ф.) двух форм общения (? — Ю. Ф.) — языка и речи, а следовательно, и двух объектов языкознания» (Колшанский, 1964, 19). Между тем никто из сторонников дихотомической концепции не считает язык и речь «двумя формами общения» и двумя самостоятельными объектами языкознания. «...Рассуждения о наличии в языке системы, должны (? — Ю. Ф.), видимо, предполагать отсутствие некоторой (? — Ю. Ф.) системы в речи» (Колшанский, 1964, 19; пунктуация автора. — Ю. Ф.). Этот упрек Г. В. Колшанского тоже не имеет адреса, потому что его оппоненты считают речь не менее системной, чем язык: ведь речь — это язык в действии.

«Признание речи как однократного акта, в противополож-

ность языку как некоторому потенциальному явлению, ведет в итоге, — говорит Г. В. Колшанский, — к признанию чисто психологической трактовки этого различия, а именно: к признанию у человека способности к владению языком и реализации этой особенности в индивидуальной речи. Этот аспект рассмотрения относится скорее к компетенции другой науки (психологии, методики)» (Колшанский, 1964, 19). Но, во-первых, человек действительно обладает способностью владеть языком; во-вторых, он не просто способен им владеть, но и владеет, поскольку способен говорить (и с этим невозможно не согласиться); в-третьих, бытие языка действительно имеет психический, мозговой характер (см. 4-й раздел пособия); в-четвертых, все равно, на какой основе (психической или какой-либо другой) мы выделяем язык и речь; в-пятых, все равно, к компетенции какой науки мы отнесем различие языка и речи; самое главное — это то, что названное различие отражает реальность.

Наконец, в анализируемой статье Г. В. Колшанского есть такие высказывания, которые по существу означают согласие с дихотомической концепцией языка — речи. Например: «В таком (как у Н. Хомского. — *Ю. Ф.*) понимании языка и речи можно себе представить их отношение как отношение «реализации»...» (Колшанский, 1964, 25); «Существование общих закономерностей, оправдывающих (? — *Ю. Ф.*) речевую деятельность всех индивидуумов какого-либо народа, ... является выражением диалектического единства отдельного и общего в каждом факте говорения, единстве языка и речи» (Колшанский, 1964, 21) (признание единства языка и речи означает признание самих *языка* и *речи*!) «...Язык представлен в конкретных актах говорения всех индивидуумов народа...» (Колшанский, 1964, 22); «Языковые закономерности материализуются в индивидуальной речи и существуют в ней и, наоборот, речь функционирует как таковая только постолько (так у автора. — *Ю. Ф.*), поскольку она является единичным репрезентантом языка народа» (Колшанский, 1964, 22); «Понятия языка и речи... могут быть условно делимы (если условно, то зачем? Ведь наука стремится к обнаружению того, что есть! — *Ю. Ф.*) применительно к научным абстракциям для обозначения лингвистических категорий (языковые категории) и ограниченных отрезков языка, подвергающихся анализу...» (Колшанский, 1964, 26) (но речь нельзя характеризовать как «отрезок языка». — *Ю. Ф.*); «Разграничение языка и речи в некоторых случаях (? — *Ю. Ф.*) может быть сделано (? — *Ю. Ф.*) также условно (? — *Ю. Ф.*) в исследовательских целях при установлении, например, отклонений от норм в речи (вот именно! Отклонения от норм могут быть только в речи, но не в языке! — *Ю. Ф.*) каких-либо групп или индивидуальных

умов (умов?! — Ю. Ф.), или при изучении, речи как психофизического процесса (! Изучать можно только то, что реально существует! — Ю. Ф.) в лингвистических науках, например, в психологии (в разделе патопсихологии) и т. д. Лингвистическое исследование в рамках этого условного разграничения языка и речи, например, в области изучения особенностей индивидуального языка писателя, персонажа и т. д. может быть объяснено (? — Ю. Ф.) только некоторыми особыми задачами (? — Ю. Ф.)..., не изменяющими (? — Ю. Ф.) ни в какой мере истинной сущности языка» (Колшанский, 1964, 26); «...Язык как логико-теоретическая модель противостоит не речи, а языку как реальному объекту» (Колшанский, 1964, 27; значит, язык и речь — не одно и то же! — Ю. Ф.). А на 24-й странице анализируемой статьи Г. В. Колшанский прямо называет дихотомическую концепцию «почти общепринятой».

Таким образом, попытавшись опровергнуть адекватность дихотомии язык — речь, Г. В. Колшанский пришел (и не мог не прийти!) к ее признанию. Воистину: гони природу в дверь — она влетит в окно.

Вопросы для самопроверки

1. Как характеризуют язык и речь современные языковеды?
2. Охарактеризуйте трихотомическую концепцию «структура — норма — индивидуальная речь» (а также «язык — речь — текст»).
3. Проанализируйте и оцените аргументацию противников дихотомической концепции языка — речи.

4. О СПОСОБЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА

Теперь настало время поставить вопрос: каков способ существования языка? Где хранится (существует, локализуется) язык? Каков его материальный субстрат (база, основа)? Есть два ответа на этот вопрос: 1) язык существует в речи и 2) язык существует в мозгу. Наша задача — рассмотреть эти концепции и выбрать одну из них.

Итак, «язык существует в речи» (Смирницкий, 1954, 29). Но ведь речь — это другое состояние той же «вещи» — языка (язык в динамике). Таким образом, тезис «Язык существует в речи» должен означать, что язык существует (локализуется, хранится) в самом себе. Неприемлемость этого вывода очевидна.

Если, далее, мы все же примем гипотезу о том, что язык существует в речи, то мы должны будем сделать вывод, что язык существует лишь в момент его применения и перестает сущест-

вововать, когда его не применяют. Это, в свою очередь, должно означать, что народ — носитель данного языка — сразу теряет последний, когда все представители данного народа пусть даже на секунду умолкают, т. е. перестают применять язык. А такие ситуации наблюдаются реально, особенно у малых народов. Малый народ, проснувшись утром, должен оказаться безъязычным. Между тем это не так. (См.: Мельников, 1967, 239).

Иначе говоря, существование языка должно быть непрерывным. Речь же — процесс прерывный. Следовательно, тезис «Язык существует в речи» неверен.

Известно, далее, что звучащая речь (а именно о ней мы должны говорить в первую очередь) эфемерна, кратковременна, летуча. Может ли храниться в ней язык — постоянная, стабильная, устойчивая сущность?

Некоторые говорят: «Да, мы признаем, что язык не может храниться в устной речи. Но он может храниться и хранится в текстах. В текстах хранятся также мертвые языки». В чем ошибочность этой точки зрения? Мы знаем, что очень многие языки (а именно языки бесписьменных народов) не отражены в текстах. Но ведь они тоже существуют, каким-то образом хранятся, и, безусловно, хранятся так же, как и языки более развитых народов, имеющих письменность. Если письменность (т. е. текст) по отношению к языку вторична и необязательна, то это означает, что она не является «хранилищем» языка.

Язык, обобщенно говоря, представляет собой длинный список знаков (слов) и правил их комбинирования в речи для выражения конкретных мыслей. Текст же есть более или менее длинная цепочка некоторых элементов языка (знаков). Можно ли утверждать, что эта цепочка содержит в себе язык? Ясно, что она, во-первых, содержит в себе лишь некоторое число единиц языка, а не весь их инвентарь; во-вторых (и это самое главное), эта цепочка знаков непосредственно, сама по себе, безотносительно к мыслящему мозгу, не содержит в себе языковые значения. Зрительно восприняв какой либо впервые предъявленный нам текст, мы не можем осмыслить его, потому что понимание текста невозможно без предварительного овладения языком, потому что языковые значения находятся не в элементах текста и не в тексте вообще, а в головах носителей языка. Таким образом, если мы не владем языком, то текст на этом языке окажется для нас простым набором «таинственных» знаков. По этому тексту мы не сможем даже определить, графическое отражение какого языка нам предложено — живого или мертвого. Более того. Если письмо, с которым мы впервые встретимся, будет пиктографическое (рисунчатое), то мы вообще не сможем определить, текст перед нами или рисунок (рисунки).

Если язык хранится в текстах, то это должно означать, что, владея текстом, мы владеем языком. Но кто рискнул бы заявить, что он владеет китайским языком, поскольку располагает текстами на китайском языке?!

Можно ли считать, что работа станка — это способ его существования (хранения, локализации)? Неработающий станок продолжает оставаться самим собой, не прекращает своего существования. То же самое следует сказать и о языке: он существует и тогда, когда его не применяют. Значит, он существует не в речи.

Если бы хранилищем языка была речь, то говорящему каждый раз приходилось бы извлекать язык из прежней речи, чтобы построить новую. Но эта прежняя речь тоже предполагает наличие у людей постоянно существующей и находящейся в их распоряжении системы знаков для передачи информации. Иными словами, речи всегда должно предшествовать нечто, что мы и именуем языком.

То или иное речевое произведение говорящий создает не путем разложения на элементы и реконструирования прежнего речевого материала, а путем извлечения необходимых ему элементов из всей массы языка и разнообразного их комбинирования в соответствии с внутренне присущей им сочетательной способностью.

«...Невозможно иметь текст, не имея языка, лежащего в его основе. С другой стороны, можно иметь язык, не имея текста, построенного на этом языке» (Ельмслев, 1960, 298).

Абсолютное большинство лингвистов и философов признают двусторонность языка и его основной единицы — слова. Слово интерпретируют как единство формы и содержания, как ассоциацию звукокомплекса и смысла. Однако последняя часть этой фразы является не вполне точной. Всякая ассоциация происходит в мозгу. Следовательно, ассоциироваться со смыслом может не звукокомплекс как таковой, а его мыслительный образ, его отражение в сознании.

Защищая эту точку зрения, В. М. Павлов пишет: «...Мы задаем себе вопрос: где может произойти такая «встреча» знака и обозначаемого, чтобы они могли вступить в реальную, объективную связь? Такая «встреча» возможна только в мозгу человека» (Павлов, 1968, 48). «Языковой знак в мозгу индивида есть отражение (нервный код) и закрепление в памяти его реального звучания... Обозначаемое языкового знака есть отражение объективных свойств вещей реального мира также в виде некоторого нервного кода» (Павлов, 1968, 58—59).

Из сказанного следует, что язык хранится (локализуется)

именно в мозгу индивидов, представляющих определенный говорящий коллектив.

Язык — это «орудие», но орудие особого рода: если камень, используемый человеком в качестве орудия, существует независимо от человека, то бытие языка органически связано с мыслящим и говорящим индивидом. Язык неотделим от мыслящего индивида, невозможен без него. (Говоря так, мы, конечно, понимаем, что каждый индивид есть именно представитель того или иного человеческого коллектива. Но хранится язык не на каком-то общественном складе, а в головах людей, входящих в данный коллектив.)

Разрушение серого вещества человеческого мозга ведет к уничтожению языка (индивидуального языка). Это может означать только то, что вместилищем, хранилищем языка является мозг.

Язык — это уникальная «вещь»: она существует постольку, поскольку ее знают. Здесь уместно вспомнить А. И. Смирницкого, который писал: «...Значение какой-либо языковой единицы, как внутренняя ее сторона, постольку и существует, поскольку его знают» (Смирницкий, 1954, 31).

После всего сказанного ясно, что мы должны принять вторую концепцию существования языка: «Язык существует (хранится) в мозгу его носителей». Этой точки зрения, как мы уже говорили, придерживался Соссюр. Ее разделяет подавляющее большинство современных исследователей. К их числу относятся Л. В. Щерба, А. С. Чикобава, В. А. Звегинцев, А. А. Леонтьев, Ю. М. Скребнев, З. Д. Попова, В. З. Панфилов, В. М. Солнцев, А. И. Моисеев, М. И. Черемисина, М. В. Никитин, В. М. Павлов, В. Я. Мыркин, Д. Н. Шмелев и мн. др. Приведем несколько высказываний.

«Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивида или особей, составляющих данное языковое общество» (Бодуэн де Куртенэ, т. II, 71).

«Язык как потенция существует в памяти. Бытие языка — физиологическое» (Чикобава, 1967, 30). «Реальность языка — это реальность не материального, а идеального явления» (Леонтьев, 1969, 9).

«Если объекты естественных наук, их структурно-реляционные свойства существуют независимо от того, существует ли человеческое сознание и человечество как таковое, то язык представляет собой явление не только и не просто социальное, а социально-психологическое» (Скребнев, 1964, 7). Язык «существует в совокупности индивидуальных сознаний. ...В отличие от объектов других наук, язык непознаваем извне. Познающий субъект и объект познания, так сказать, биологически совмещены, хотя мы и должны, по видимому, разграничить их гносеологически» (Скребнев, 1964, 9).

«Это нечто существует «в мысли», в сознании людей, проявляясь, обнаруживая себя в чувственно воспринимаемой форме: или в форме звуков, то есть колебаний воздуха, воспринимаемых ухом, или в форме графических значков, воспринимаемых глазом, или в других каких-либо формах...» (Черемисина, 1970, 7).

«Элиминирование речевой материи в понятии языка, — справедливо утверждает И. П. Распопов, — вовсе не означает отрицания материальности языка. Язык, как и мысль, локализуется, а следовательно, и материализуется в мозгу (ведь локализоваться — значит занимать какое-то пространство, а пространства вне материи не существует)» (Распопов, 1972, 3—4).

Язык «существует в головах индивидов» (Панфилов, 1977, 94).

Материальность речи физическая, а материальность языка — физиологическая. «Все явления идеального, психического ряда материализованы физиологически» (Торопцев, 1964, 17)¹¹. Здесь уместно вспомнить очень важное указание В. И. Ленина о том, что «противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна» (Ленин, т. 18, 151).

Итак, язык имеет психическую (психофизиологическую, нейрофизиологическую), а речь — психофизическую («психофизиологофизическую») природу.

Тезис «Язык существует (хранится, локализуется) в мозгу» органически вытекает из понимания языка как сущности, потенции, абстракции — понимания, которого придерживается абсолютное большинство лингвистов.

Что же касается речи, то ее роль по отношению к языку — иная: язык не хранится (локализуется, существует) в речи, а реализуется, выявляется, объективируется в ней (см.: Рус. яз.: Энци., 1979, 255).

Вопросы для самопроверки

1. Какие точки зрения на способ существования языка имеют место в современной лингвистике?
2. Какие аргументы приводят нас к выводу о ложности тезиса «Язык существует в речи»?
3. Вспомните аргументы в пользу точки зрения, что язык существует в мозгу.

5. О ЕДИНИЦАХ (ЕДИНИЦЕ) ЯЗЫКА

Сколько единиц имеет язык? Какие (какую)?

В современной лингвистической литературе термин «единица языка» применяется по отношению к самым разным фактам и явлениям. Этим термином называют фонему, морфему, слово,

¹¹ См.: Павлов И. П. избранные труды по физиологии высшей нервной деятельности. — М., 1950. — С. 247–248.

фразеологический оборот, синтаксическое словосочетание и предложение, а также дифференциальный признак фонемы, слог, основу, даже абзац, контекст и интонацию. Продолжая эту линию, единицами языка можно было бы называть части речи, члены предложения, грамматические категории и многие другие языковые явления. Однако ясно, что такое терминопотребление гносеологически (т. е. с точки зрения познания) не только бесплодно, но и вредно, поскольку мешает исследователю получить точное представление об устройстве языка. Необходимо строго разграничивать понятия элемента и единицы (см.: Щур, 1974, 118), а также комбинации единиц (см.: Общ. яз., 1972, 102–103). «...Никакая серьезная теория не может быть построена, если она уклоняется от решения вопроса об элементарной единице...» — утверждает Э. Бенвенист (Бенвенист, 1974, 81). Между тем, «знакомясь с состоянием этой проблемы, видишь, что мало кто из лингвистов, приступая к изложению даже сугубо теоретических вопросов, считает необходимым для себя дать хотя бы рабочее определение лингвистических единиц» (Леонтьев, 1969, 7).

Толковые словари русского языка понимают под элементом «составную часть какого-л. целого» (Словарь, IV, 1038), а под единицей — «обособленную часть чего-л. целого, обладающую определенной самостоятельностью» (Словарь, I, 628). В соответствии с этими словарными толкованиями будем использовать слово *элемент* в широком значении «составная часть», а слово *единица* — в значении «основной элемент, обладающий определенной самостоятельностью». Под комбинацией же единиц будем понимать свободное и временное соединение единиц, не дающее новое качество и не образующее новую, сложную единицу¹².

Поскольку любая система представляет собой некоторое множество взаимосвязанных элементов, постольку элемент системы должен нести в себе некоторые существенные признаки этой системы, а основной элемент (единица) должен обладать «всеми основными свойствами, присущими целому» (Выготский, 1956, 48). Распространив это положение на язык, мы сделаем вывод, что единица языка обладает всеми основными свойствами языка, его «существенными общими признаками» (Смирницкий, 1956, 13). В языковом знаке «бесспорно, и проявляются главные свойства языка» (Бенвенист, 1974, 93).

К числу общих фундаментальных свойств языка и его единицы справедливо относят субстанциональность, дискретность, линейность, неоднородность, иерархичность, воспроизводимость,

¹² «Словарь русского языка» определяет комбинацию как «сочетание, соединение, взаимообусловленное расположение чего-л. (обычно однородного)» (Словарь, II, 104).

цельность, двусторонность, номинативность и самостоятельность¹³. Последовательно рассмотрим эти признаки.

Языковой знак может быть использован говорящим и воспринят слушающим только при условии, если он материален. Следовательно, язык характеризуется признаком субстанциональности (материальности). Единица языка должна выступать на уровне речи как конкретно-материальное образование, т. е. представлять собой некоторую цепочку звуков. Например: «вера», «дружба», «встреча».

Дискретность языка заключается в том, что он представляет собой не сплошную аморфную массу, а некоторое множество отделенных друг от друга элементов. Дискретность элемента — это его выделимость в качестве самостоятельного объекта. Дискретность иначе называют прерывностью, членораздельностью, вычленимостью, выделимостью, отдельностью, непересекаемостью, невключаемостью. Например, фраза «Любви все возрасты покорны», как и любая другая, без остатка делится на отдельные, не пересекающиеся с другими элементы: «любви», «все», «возрасты», «покорны».

Линейность элементов языка заключается в том, что они «представляют собой протяженность, и эта протяженность лежит в одном измерении: это линия» (Солнцев, 1977, 61). С признаком линейности связана невозможность «произнесения двух элементов одновременно... Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи» (Соссюр, 1977, 155). Например: «он», «она», «он и она».

«*Линейность* есть форма существования элементов языка и форма функционирования языка (образование конкретных систем из дискретных элементов)» (Солнцев, 1977, 62). Соссюр полагал, что этот принцип определяет весь механизм языка.

Неоднородность — это разнотипность, разнокачественность элементов языка. Неоднородными являются сильно отличающиеся друг от друга элементы, элементы с различными свойствами. Неоднородными являются прежде всего фонемы, морфемы, слова и фразеологизмы (*у, побед-, солонка, заткнуть за пояс*). Неоднородными являются также разные фонемы (*у* и *т*), разные морфемы (*побед-* и *-чик*), разные слова (*солонка* и *доклад*), разные фразеологизмы (*заткнуть за пояс* и *бросить перчатку*). Более сложные элементы языка характеризуются большей степенью неоднородности. Так, неоднородность (различия) слов больше неоднородности фонем. Неоднородность элементов имеет очень большое значение в процессе функционирования языка. Из разнород-

¹³ См.: Соссюр, 1977, 100—103; Солнцев, 1977, 62; Смирницкий, 1956, 35; Моисеев, 1973, 115; Фоменко, 1979.

ных элементов легче строить четко отличающиеся друг от друга и легко осмысляемые комбинации элементов — прежде всего фразы. Ср.: *Рада рада — Девушка рада*.

Признак неоднородности органически связан с признаком иерархичности. Иерархичность — это свойство системы, включающей элементы разных рангов, образования разной сложности. Иерархичность языка заключается в том, что менее сложные языковые объекты входят в состав более сложных. Так, фонемы входят в состав морфемы (ее звуковой оболочки), морфемы — в состав слова, слова — в состав предложения. Или: морфемы (звуковые оболочки морфем) состоят из фонем, слова — из морфем, предложения — из слов. При этом каждый менее сложный объект способен выступать как предельно простой случай более сложного объекта (см.: Солнцев, 1977, 62–63). Иначе: каждый более сложный объект может состоять всего из одного менее сложного. Могут быть морфемы, состоящие всего из одной фонемы (-и-), слова, состоящие всего из одной морфемы (там), предложения, состоящие всего из одного слова (*Света-ет*). Возможны предложения, состоящие из одного слова, которое состоит из одной морфемы, которая, в свою очередь, содержит всего одну фонему. Вспомним пример А. А. Реформатского из латинского языка: *Eo rus* (Я еду в деревню) — *I!* (Поезжай!). Такую фразу можно построить и на базе русского языка. Например: *О!*

Иерархичность языка определяет безостаточную членимость любого языкового образования: каждая морфема без остатка делится на фонемы, каждое слово без остатка делится на морфемы, каждое предложение без остатка делится на слова.

Язык, как известно, есть уникальная знаковая система, хранящаяся в сознании (мозгу) человека и регулярно используемая (воспроизводимая) в целях общения. Следовательно, язык (так же, как и любая знаковая система) обладает признаком воспроизводимости. Воспроизводимость элемента — это регулярное использование в речи элемента, не создаваемого в процессе говорения, а извлекаемого из памяти как нечто готовое, заранее данное. «Воспроизводимость слова, — и вообще любой единицы или составной части языка, — подчеркивал А. И. Смирницкий, — является необходимым условием существования и функционирования языка как средства общения...» (Смирницкий, 1956, 35; см. также: Смирницкий, 1954, 18, 20, 21).

Цельность (или неделимость) элемента языка толкуется в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой следующим образом: неделимость — «критерий, позволяющий отличать слово (как не допускающее вставок между его частями) от синтагмы» (Ахманова, 1966, 256); неделимый — «не поддающийся

разложению на составляющие части без потери данного качества» (Ахманова, 1966, 257). Цельность (неделимость) элемента языка заключается в том, что он не может быть расчленен на другие элементы того же уровня.

«Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс, Энгельс, 1955, 448); язык — это знаковая система, несущая информацию. Иначе говоря, язык двусторонен: он имеет форму и содержание. Признак двусторонности должен быть свойствен и единице языка.

Важнейшей функцией языка является номинативная функция. Номинативную функцию выполняет не язык в целом, а его единица. Выполнять номинативную функцию — значит обозначать отдельный предмет (класс однородных предметов) и выражать понятие об этом предмете (см.: Солнцев, 1977, 256).

Наконец, обязательным признаком единицы языка должна быть самостоятельность. Признаком самостоятельности обладает элемент, допускающий изолированное употребление в естественной речи. Легко понять, что этим признаком обладает не каждый элемент языка.

Теперь, приложив ко всем фактам (и явлениям) языка (речи) перечисленные признаки единицы, мы получим ответ на поставленный в заголовке вопрос.

Фонема характеризуется признаками субстанциональности, дискретности, линейности, неоднородности, иерархичности, воспроизводимости и цельности (неделимости), но не характеризуется признаками двусторонности, номинативности и самостоятельности. Фонема не имеет понятийного содержания, являясь мельчайшим элементом плана выражения языка, языковой субстанции (материи). Лишенная признака двусторонности, фонема, естественно, не выполняет номинативную функцию, не служит средством наименования предмета. Наконец, фонема не обладает признаком самостоятельности, т. е. никогда не выступает в естественной речи сама по себе, в своем собственном качестве. Фонема — это кратчайший, далее линейно неделимый элемент языковой материи, используемый для складывания и различения звуковых оболочек морфем и слов, т. е. выполняющий конститутивную и дифференциальную функции.

Некоторые ученые (Н. С. Трубецкой, Р. О. Jakobson, Б. Малмберг, В. В. Иванов и др.) мельчайшим элементом плана выражения языка считают дифференциальный признак фонемы (например, взрывность фонемы *д*). Однако он не обладает свойствами дискретности и линейности (не говоря уже о свойствах двусторонности, номинативности и самостоятельности), «не может быть реализован сам по себе» (Бенвенист, 1974, 130), отдельно от фонемы, из которой его вычленяет лингвист-теоретик. Дифференци-

альные признаки фонемы не следуют друг за другом во времени и пространстве, а артикулируются и воспринимаются одновременно (симультанно). Дифференциальный признак не имеет не только статуса единицы, но и статуса элемента (см.: Солнцев, 1972, 14–15; Солнцев, 1977, 201). Дифференциальный признак фонемы (в прямом соответствии с его названием) — это не особый элемент языка, а свойство, признак элемента — фонемы.

Не имеет статуса единицы и морфема. Обладая признаками субстанциональности, дискретности, линейности, неоднородности, иерархичности, воспроизводимости, цельности и двусторонности, она в то же время лишена признаков номинативности и самостоятельности. Морфема не обозначает отдельный предмет и не выражает понятие. «Значения морфем, — пишет В. М. Солнцев, — ассоциативны, т. е. морфемы не выражают отдельных понятий, но указывают на некоторую значимую или понятийную область» (Солнцев, 1977, 117). Например: *под-*, *вы-*, *з-* (в слове *гнуть*), *-зир-* (*взирать*), *-е-* (*синеть*), *-у* (*иду*) и т. д. Сказанное относится не только к служебным, но и к корневым морфемам.

Если же согласиться с тем, что морфема выражает понятие, то в этом случае пришлось бы сделать вывод, что слово, состоящее из нескольких морфем, выражает сразу несколько понятий. В то же время опыт и анализ показывают, что это не так.

Если слово связано с мышлением непосредственно, то морфема — опосредованно, только через слово. В связи с этим значение морфем в акте речи не выступает на уровне осознания, а «носит как бы рефлекторный характер» (Панфилов, 1971, 9). Проще говоря, оно не осознается. Говорящий выражает свои мысли не с помощью морфем, а с помощью слов.

Не выполняя номинативную функцию, морфема — вследствие этого — не обладает признаком самостоятельности, т. е. не допускает изолированное употребление и всегда используется не сама по себе, а как компонент слова, что отражено в самом ее определении («Морфема — значимая часть слова»). Речь строится не из морфем, а из слов. Изолированное рассмотрение морфемы «есть уже продукт известной мыслительной деятельности, известного абстрагирования» (Левковская, 1962, 81; см. также: Резников, 1958, 54; Смирницкий, 1956, 21).

Морфемы играют в языке роль сырого материала, используемого для расширения инвентаря единиц языка — слов. С функциональной точки зрения они близки к фонемам (см.: Климов, 1967, 30). И фонемы, и морфемы обслуживают не внешние, а внутренние потребности языка.

Не выдерживает «проверку на единицу» и предложение.

Как известно, термин *предложение* употребляется в двух значениях: 1) «структурная схема, модель, формула минимального

речевого сообщения» и 2) «речевая реализация этой формулы, конкретное сообщение» (Арутюнова, 1972, 326), индивидуальная комбинация словесных знаков. Во избежание терминологической неясности для обозначения конкретного сообщения исследователи все чаще прибегают к терминам *высказывание* и *фраза*. Воспользуемся этими терминами и мы. Абстрактную схему, по которой строится сообщение, будем называть предложением, а конкретное сообщение — фразой.

Каков же лингвистический статус этих двух важнейших объектов языкознания?

Предложение (структурная схема речевого сообщения) обладает признаками воспроизводимости, неоднородности и цельности, но не обладает признаками субстанциональности, дискретности, линейности, иерархичности, а главное — двусторонности, номинативности и самостоятельности. Предложение не является конкретно-материальным образованием, не имеет собственной языковой субстанции, собственного звучания. Его нельзя ни произнести, ни услышать. Не имея признака субстанциональности (т. е. не будучи конкретно-материальным образованием), предложение не имеет и признаков дискретности, линейности, иерархичности, тем более — двусторонности, номинативности и самостоятельности. С помощью предложений нельзя обеспечить ни номинацию, ни коммуникацию. Таким образом, предложение не может претендовать на статус единицы языка.

Фраза (индивидуальная комбинация словесных знаков) обладает признаками субстанциональности, дискретности, линейности, неоднородности, иерархичности, цельности, двусторонности и самостоятельности, но не обладает признаками воспроизводимости и номинативности.

Фразы (например, «Море смеялось», «А счастье было так близко, так возможно», «Дай, Джим, на счастье лапу мне» и под.) не существуют в языке, не извлекаются из памяти как цельные, готовые образования, а возникают в речи, строятся говорящим с целью оформления и передачи той или иной конкретной мысли. Предложение, утверждал Ф. И. Буслаев, есть «самая краткая и простейшая форма речи» (Буслаев, 1844, 108). «...Конкретные предложения... — пишет А. И. Смирницкий, — являются как таковые, как целые вообще *единицами речи*, а не единицами языка, так как они представляют собой более или менее законченные и самостоятельные речевые произведения» (Смирницкий, 1954, 18; выделено автором. — Ю.Ф.). «Предложения, — говорит В. М. Солнцев, — это язык в действии и в то же время конечный результат применения языка» (Солнцев, 1977, 212). Например, стихотворение М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива», состоящее из 4 строф и 16 строк, пред-

ставляет собой одно (сложное) предложение. Но вряд ли кто-нибудь рискнет назвать это предложение (фразу) единицей общенародного русского языка. «Все отдельные составные части предложения... являются теми или другими единицами языка... Но организованная в данное конкретное предложение совокупность всех единиц языка, использованных в этом предложении, как целое уже выходит за пределы языка и не является его единицей, хотя бы и особого, высшего порядка» (Смирницкий, 1954, 18). Например, слова *дыхание* и *робкий* принадлежат языку, а фраза *Робкое дыхание* — речи. «...Предложение, — замечает Э. Бенвенист, — содержит знаки, но само не является знаком» (Бенвенист, 1974, 139)¹⁴. «В грамматический строй языка входят не конкретные предложения, а закономерности образования предложений...» (Смирницкий, 1955, 12; выделено автором. — Ю. Ф.).

Даже если та или иная фраза («Здравствуйте!», «До свиданья!», «Поздравляю вас!») кажется нам простым повторением сказанного ранее, все равно, она именно строится, а не воспроизводится. «Каждый речевой акт, — пишет В. Я. Мыркин, — отличается от любого другого речевого акта, если даже формально фразы совпадают по составу и порядку слов. Иначе говоря, человек в принципе никогда не повторяется, он создает каждый раз фразу (речь) заново вместе с актуальным смыслом фразы» (Мыркин, 1970₂, 28; см. также: Янкошвили, 1969, 99). В фразе воспроизводится и модель, и лексический материал, но не все образование в целом.

Признак воспроизводимости, свойственный модели предложения, нередко переносят на предложение в целом (фразу). Но воспроизводимость модели не есть воспроизводимость фразы. Нельзя подменять одно понятие другим. Опираясь на понятие воспроизводимости единицы языка, имеют в виду воспроизводимость единицы, взятой в целом (Харченко, 1974, 218), а не воспроизводимость какой-либо ее стороны или аспекта. Единица воспроизводится как величина целостная, глобальная. Например, когда говорят о воспроизводимости слова (а также фразеологизма), имеют в виду не воспроизводимость его модели, а воспроизводимость слова в целом — как единства содержания и формы. С этой точки зрения фраза действительно не обладает признаком воспроизводимости.

Процесс коммуникации происходит не с помощью абстрактных схем, а с помощью фраз. Между структурной схемой предложения и конкретной фразой, используемой в акте коммуника-

¹⁴ См. также: Жинкин, 1972, 15; Солнцев, 1977, 146, 212, 317; Ахманова, Микаэлян, 1963, 122 и 120; Маслов, 1967 113; Маслов, 1967 292; Чесноков, 1966, 257; Хабургаев, 1967, 298; Солнцев, 1972, 17.

ции, такое же огромное расстояние, как между замыслом архитектора и законченным зданием.

Единица языка в строгом смысле этого термина имеет постоянные субстанцию и объем. Фраза этими признаками не обладает. Ее лексический состав и объем в языке не запрограммированы. Минимумом фразы является слово, а максимум правилами языка не предусмотрен. Какую бы длинную фразу мы ни построили, всегда есть возможность построить другую, более длинную.

Не обладая признаком воспроизводимости, фраза не обладает и признаком номинативности. (Попутно заметим, что эти признаки предполагают друг друга: номинативная единица не строится, а воспроизводится.) Номинативную функцию выполняют слова и фразеологизмы, но не фразы. Фразы являются не названиями предметов (классов однородных предметов), а — как принято сейчас говорить — обозначениями целых ситуаций, постоянно сменяющих друг друга событий. Логический коррелят слова — понятие, логический коррелят фразы — суждение. Слово имеет значение, принадлежащее языку, а фраза — смысл, возникающий в речи и находящийся за пределами языка¹⁵. Например, значения слов *сознание*, *бытие*, *определять* входят в язык, а содержание, смысл фразы *Бытие определяет сознание* находится за пределами языка. Если бы фразы были готовыми единицами языка, то последний оказался бы хранилищем всей суммы человеческих знаний. Как фраза представляет собой комбинацию слов, так смысл фразы представляет собой комбинацию словесных значений. При этом смысл фразы выступает не как арифметическая сумма словесных значений, а скорее как их произведение.

Приписывать фразе номинативность, как это делают, например, В. Г. Гак (Гак, 1967) и Н. Д. Арутюнова (Арутюнова, 1971), — значит ревизовать понятие номинативности, значит стирать качественную разницу между языковым значением слова и речевым смыслом фразы¹⁶. Фраза осмысленна, но не номинативна. А. И. Моисеев пишет: «Впечатление еще большей странности ...вызывают нередкие теперь рассуждения о коммуникативной функции слов и о номинативной функции предложений: обычные и, кажется, всеми уже принятые представления переворачиваются, как если бы стол вдруг стали называть стулом, а стул, на-

¹⁵ См. об этом: Жинкин, 1972, 20 и 26; Звегинцев, 1973₁, 97; Звегинцев, 1973₂, 168—1169, 176; Домбровский, 1973, 22; Бенвенист, 1974, 81—82; Данеш, Гаузенблас, 1969, 13; Слюсарева, 1963, 193; Солнцев, 1977, 64, и мн. др.

¹⁶ См.: Жинкин, 1972, 20 — 26; Звегинцев, 1973 97; Звегинцев, 1973 168—169; Домбровский, 1973, 22; Бенвенист, 1974, 81—82; Данеш, Гаузенблас, 1969, 13; Солнцев, 1977, 64.

против, столон, черное — белым, белое — черным, левое — правым, а правое — левым и т. п.» (Моисеев, 1977₂, 60).

Гипотеза номинативности предложения (фразы), имеет своим естественным следствием утверждение, что предложение является знаком. Однако это утверждение приходится сопровождать многозначительным замечанием: «Всякий раз оно (высказывание. — Ю. Ф.) заново организуется ...и не закрепляется в языке» (Гак, 1973, 368). Но то, что не закреплено в языке и всякий раз заново организуется, является не знаком, а комбинацией знаков. Номинативные знаки хранятся в языке, а коммуникативные образования появляются в речи.

«В языках типа индоевропейских, — пишет Н. А. Слюсарева, — где слово обладает независимостью существования, ...именно оно может рассматриваться в качестве знака» (Слюсарева, 1975, 39), «Выделение предикативных знаков не представляется убедительным, так как отличительным свойством человеческого языка является разобщение номинативного и предикативного аспектов» (Слюсарева, 1975, 40). «Синтаксический уровень — это уровень структур, а не, знаков. Его единицы представляют собой лишь соединения знаков, они создаются из потребности в общении и не существуют, подобно слову, в инвентаре членов системы...» (Слюсарева, 1967, 67).

Известно, что единственным организующим принципом сигнальных систем животных и многих искусственных знаковых систем является отбор элементов, тогда как организующими принципами языка являются отбор и сочетание (комбинирование) знаков¹⁷. Способность языка к комбинированию знаков и порождению бесконечно разнообразных сообщений и текстов и делает язык могучим орудием мышления.

Если те или иные составные части языка обладают признаком воспроизводимости, то они могут быть пересчитаны. Таковы фонемы, морфемы и слова (а также фразеологизмы). Что касается фраз, то они не могут быть пересчитаны: это не воспроизводимые единицы, а производимые комбинации единиц. Невозможно даже представить себе полный список (словарь) русских предложений. «Число предложений бесконечно» (Бенвенист, 1974, 139).

Если бы фразы были единицами языка, их приходилось бы заучивать, как слова.

Суждение есть продукт творчества. Фраза — языковая форма суждения. Значит, фраза тоже есть творческий акт.

Давно уже всеобщим достоянием стала мысль о том, что в предложении (фразе) происходит приращение смысла. Но при-

¹⁷ См.: Булыгина, 1967, 6; Жинкин, 1972, 12; Солнцев, 1977, 267.

ращение смысла возможно лишь при условии, если фраза строится, а не воспроизводится.

Семиотика четко разграничивает понятия кода и текста, созданного на основе этого кода. Как текст не является элементом кода, так фраза не является единицей языка.

Таким образом, не обладая признаками воспроизводимости и номинативности, фраза тоже не имеет статуса единицы языка. Фраза — это не единица языка, а свободная, индивидуальная комбинация единиц (слов), выполняющая коммуникативную функцию.

Является ли единицей языка синтаксическое словосочетание? И на этот вопрос мы должны ответить отрицательно, поскольку словосочетание лишено таких признаков единицы, как дискретность, воспроизводимость, цельность и номинативности, а также иерархичность.

Вспомним, что дискретность элемента — это его выделяемость в качестве самостоятельного объекта, это его отдельность, непересекаемость. Иначе говоря, каждый элемент языка, входящий в речевую цепь, отделен от других элементов языка в пространстве и во времени, а не входит в другой элемент как его часть. Дискретность свойственна фонемам, морфемам и словам (*да, восход, солнечный день*), но не свойственна словосочетаниям. Компоненты большинства словосочетаний одновременно входят в другие словосочетания. Например, фраза *Во всем мне хочется дойти до самой сути* (Пастернак) может быть расчленена на словосочетания *мне хочется, хочется дойти, дойти до сути, самой сути, дойти во всем*, каждое из которых накладывается (пересекается) на одно из других. Пересекаемость словосочетаний — не исключение из правила, а правило.

Как известно, единица языка хранится в памяти говорящих и регулярно используется (воспроизводится) в речи как нечто готовое, заранее данное. Иначе говоря, она обладает признаком воспроизводимости. Если мы примем гипотезу о том, что словосочетание является единицей языка, то мы должны будем приписать ему признак воспроизводимости, т. е. исходить из того, что разнообразные комбинации слов (*изучать философию, близкий друг Пушкина, старинный фарфоровый чайник с художественной росписью* и т. п.) не появляются в речи, а заранее даны в языке. Следовательно, человек усваивает и хранит в своей памяти не слова, а их разнообразные комбинации. Но эта гипотеза не находит эмпирического подтверждения. Непосредственный речевой опыт каждого говорящего, данные нейрофизиологии и экспериментальной психологии показывают, что язык записан в сознании человека как некоторая совокупность слов. Именно слово используется говорящим как единица наименования и как стро-

ительный материал для предложения "(см.: Жинкин, 1972, 15; Солнцев, 1977, 184; Рус. яз.: Энци., 1979, 302). Что касается словосочетания, то оно не записано в языке, а возникает в речи, т. е. не обладает признаком воспроизводимости (см.: Смирницкий, 1954, 22; Медникова, 1974, 73; Дмитриева, 1963, 78).

Члены синтаксического словосочетания находятся в отношениях свободного выбора. Появление или неоявление словосочетания в предложении определяется волей говорящего, его коммуникативными намерениями. Например, производитель речи может построить однословную фразу *Холодно*, или двусловную *Очень холодно*, или трехсловную *Здесь очень холодно* и т. д. Сочетания слов *очень холодно*, *здесь очень холодно* и т. д. не даны в языке, а появляются в речи, в процессе порождения высказывания. То же самое имеет место и в случае использования слов с сильной валентностью. Например, если мы предполагаем использовать в фразе сильноуправляющий глагол *встретить*, то должны употребить рядом с ним какое-либо существительное (или субстантив) в форме винительного падежа, но выбор конкретной лексики определяется не языком, а ситуацией и говорящим: *встретил + друга / товарища / брата / соседа / сослуживца* и т. д., *Встретил друга* — не готовая единица языка, а свободная комбинация единиц — слов в составе предложения.

Иногда говорят, что если словосочетание не воспроизводится с точки зрения его лексического состава, то оно воспроизводится с точки зрения его модели. «Воспроизводится модель словосочетания». Однако, во-первых, конкретную фразу нельзя построить из абстрактных моделей. Единица должна иметь субстанциональную природу. Во-вторых, когда говорят о воспроизводимости единицы языка, то имеют в виду единицу в целом, а не ту или иную ее сторону. Нельзя переносить признак воспроизводимости с модели словосочетания на словосочетание в целом. Что же касается понятия модели словосочетания, то есть основания считать, что это другое (менее точное) название валентности (сочетательной способности) слов. Когда, например, говорят о модели «прилагательное + существительное», то имеют в виду способность прилагательного сочетаться с существительным и способность существительного сочетаться с прилагательным. Самое же главное — это то, что понятие «модель словосочетания» (например, модель «прилагательное + существительное») наталкивает на мысль о принудительности связи прилагательного с существительным и существительного с прилагательным, хотя на самом деле такой принудительности нет: прилагательное в речи может сочетаться, а может и не сочетаться с существительным; точно так же существительное в речи может сочетаться, а может и не сочетаться с прилагательным. Например, прилагательное *новый* может соче-

таться, а может и не сочетаться с существительным *костюм*, а существительное *костюм* может сочетаться, а может и не сочетаться с прилагательным *новый*. Таким образом, есть основания сомневаться в точности выражения «Воспроизводится модель словосочетания». По-видимому, говорящий оперирует не моделями словосочетаний, а словами, имеющими тот или иной сочетательный потенциал.

Если бы мы приписали словосочетанию статус единицы языка, то в состав языка «оказалось бы включенным вообще все то, что высказано и высказывается» (Смирницкий, 1956, 15). «Но такое понимание языка противоречит пониманию его в качестве *средства*, или *орудия*, человеческого общения: средство никак нельзя смешивать с тем, что им создается, что производится путем его применения» (Смирницкий, 1956, 15; выделено автором. — Ю.Ф.).

Единица любого множества (в том числе и языка) характеризуется признаком цельности (неделимости): она не допускает разложения на части без потери данного качества. Например, разложение на части слова как номинативной единицы языка приводит к потере признака номинативности, разложение на части морфемы как значимого элемента языка приводит к утрате признака двусторонности. Словосочетание признаком цельности не обладает: оно допускает разложение на части без потери данного качества. Признак раздельности проявляется в словосочетании на семантическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Если фразеологизм (сращение и единство) выражает одно понятие (имеет одно значение), то синтаксическое словосочетание — несколько, а именно столько, сколько в нем слов. Иначе говоря, синтаксическое словосочетание, в отличие от слова и фразеологизма, не имеет логического (и — соответственно — предметного) коррелята (см.: Рус. яз.: Энци., 1979, 385). Каждый компонент словосочетания (каждое слово) имеет самостоятельное лексическое значение и обозначает отдельную реалию, т. е. выполняет номинативную функцию. Это становится особенно очевидным при сравнении омонимических синтаксического и фразеологического словосочетаний. Например: *закинул удочку* — *закинул удочку*. Если фразеологизм *закинул удочку* имеет одно значение и обозначает одну реалию, то в свободном словосочетании *закинул удочку* мы имеем дело с двумя значениями, которые отражают две реалии (действие и предмет). Фразеологическое словосочетание — одна номинативная единица, синтаксическое — две (или несколько). Цельность номинации (см.: Ахманова, 1966, 503) ему не свойственна.

Словом, если мы припишем синтаксическому словосочетанию признаки воспроизводимости и номинативности, то отождествим

его с фразеологическим словосочетанием, т. е. придем к абсурдному выводу, что свободных словосочетаний не существует вообще.

Семантическая раздельность словосочетания влечет за собой фонетическую, морфологическую и синтаксическую раздельность.

Каждый компонент словосочетания имеет собственное ударение и подчиняется закону конца слова.

Словосочетание характеризуется морфологической раздельностью (раздельнооформленностью). Каждый компонент словосочетания имеет собственную грамматическую форму и собственные грамматические значения, выражаемые этой формой.

Наконец, синтаксическое словосочетание не имеет синтаксической цельности. Известно, что членом предложения является не словосочетание в целом, а каждый его компонент (каждое слово) в отдельности. Например, словосочетание *пишу письмо* состоит из двух слов (словоформ), каждое из которых выполняет синтаксическую функцию, является самостоятельным членом предложения (если только это словосочетание извлечено из предложения): словоформа *пишу* выполняет функцию сказуемого, а словоформа *письмо* — функцию дополнения. Что же касается этого словосочетания в целом, то оно не является особым членом предложения. Вообще, словосочетание точнее определять не как сочетание слов (или словоформ, или слова и словоформы), а как сочетание членов предложения, о чем уже писали некоторые исследователи (см.: Дмитриева, 1963, 73 и 78; Гак, 1981, 45).

Отсутствие признака цельности у словосочетания проявляется также в том, что каждый его компонент одновременно может быть (и очень часто бывает) компонентом другого словосочетания, т. е. в речи регулярно наблюдается наложение словосочетаний. Например, в фразе *Читаю интересную книгу* слово *книгу* одновременно является компонентом двух словосочетаний — *читаю книгу* и *интересную книгу*. Единицам языка это не свойственно.

Если бы словосочетание было особой единицей языка и предложение строилось бы из словосочетаний, то самостоятельными членами (частями) предложения были бы не знаменательные слова, а словосочетания. Между тем этого нет в речи и этой точки зрения не придерживается ни один лингвист (кроме Д. В. Уткина¹⁸).

18 См.: Уткин Д. В. О членах предложения и членах словосочетания // Материалы и исследования по фонетике и грамматике русского языка. — Красноярск, 1968. — Вып. 2. — С. 6.

Отсутствие у словосочетания признака цельности (неделимости) становится еще более очевидным, если мы обратимся не к простым (двусловным), а к т. н. сложным и комбинированным (многословным) словосочетаниям типа: *сходить отцу за папиросами, ночью переписывать к экзамену сочинение с черновика на беловик, мечтать согреться остатками спитого чая из жестяной кружки с помятым боком* и т. п.¹⁹

Порядок фонем в морфеме, порядок морфем в слове — фиксированный, порядок слов в словосочетании — свободный. Более того. Компоненты словосочетания могут размещаться в разных точках пространства предложения и разделяться другими словоформами. Все это свидетельствует о речевой природе словосочетания.

Словосочетание так относится к слову, как слог — к звуку (фонеме). Как слог (звукосочетание) не является самостоятельной единицей по отношению к звуку, так словосочетание не является самостоятельной единицей по отношению к слову, «так как переход от единицы одного уровня к единице другого уровня сопряжен с изменением качества» (Клобуков, 1979, 71), «Такие единицы, как слог, основа, словосочетание, «состоят из» единиц соответствующих уровней, но они не обладают качественно новыми свойствами, необходимыми для квалификации их как единиц другого уровня...» (Солнцев, 1972, 16; см. также: Булыгина, 1969, 224). «Что касается отличий слова от словосочетания, то здесь имеется лишь наращение количества без перехода количества в новое качество. Синтаксическое качество связано с предикативностью» (Клобуков, 1979, 71).

С содержательной и формальной раздельностью синтаксического словосочетания связана непредсказуемость его второго компонента: если в фразеологических словосочетаниях предсказуемость второго компонента равна 100% (*притча + во языцех*) или приближается к этой цифре, то в синтаксических словосочетаниях предсказуемость равна 0% (*вижу + 1, 2, 3... n*) или приближается к этой цифре (см.: Медникова, 1967, 95 и др.). Иначе говоря, между компонентами синтаксического словосочетания имеют место отношения свободного выбора, в связи с чем синтаксические словосочетания нередко называют свободными (или продуктивными).

Словосочетание, далее, не является особой единицей наименования. Номинативную функцию выполняет не словосочетание как таковое, а его компоненты — слова (*красный + флаг, подошел + к дому, утку + съел* и т. д.). Иначе говоря, словосочетанию не свой-

¹⁹ Примеры взяты из «Грамматики современного русского языка» (М., 1970, — С. 538—540).

ственной цельностью номинации. Цельность номинации характеризует лишь фразеологическое словосочетание — сращение и единство (например, *собаку съел*). Каждому компоненту синтаксического словосочетания (каждому слову) соответствует свой денотат, своя реальия, фразеологизм же является обозначением одного денотата. Более наглядно это можно представить в виде следующей схемы (рис. 2):

Рис. 2

«В самом деле, можно ли считать, что в сознании говорящих по-русски есть понятие «покупать капусту» в отличие от понятия «покупать свеклу»..., понятие «покупать свежую капусту» в отличие от понятия «покупать квашеную капусту», понятие «пойти в лес» и понятие «идти из лесу» и т. п. Все это не отдельные самостоятельные понятия и соответственно не названия этих (понятий, а объединение, противопоставление, соотнесение понятий... Таким образом, можно сказать, что в словосочетаниях используются наименования и их эквиваленты, но сами они наименованиями не являются и не могут быть, так как нет соответствующего мыслительного объекта для наименования... Поэтому утверждения, что словосочетания «служат для выражения единого, но расчлененного понятия» ...производят впечатление какого-то недоразумения или странности» (Моисеев, 1977₂, 56—57).

В фразеологическом словосочетании мы имеем дело с одним значением, а в синтаксическом (свободном) — с двумя или несколькими. Применительно к синтаксическому словосочетанию можно говорить лишь о комбинированной номинации речевого характера.

Концепция номинативности синтаксического словосочетания противоречит пониманию слова как номинативной единицы языка, служащей строительным материалом для предложения, теории уровней языка, теории валентности, учению о членах предложения и т. д., т. е. не вписывается в широкий контекст современного языкознания.

Э. Бенвенист (Бенвенист, 1974, 129—140) сформулировал принятый всеми учеными принцип иерархии уровней языка, согласно которому единица высшего уровня строится из единиц ближайшего низшего уровня. Если признать словосочетание особой единицей языка, образующей ближайший к предложению уровень, то

придется утверждать, что предложение строится из словосочетаний и только словосочетаний. Однако далеко не все предложения можно представить как комбинацию словосочетаний. Здесь достаточно вспомнить однословные и нечленимые предложения (фразы) типа *Светает и Ура!* Следовательно, словосочетание не имеет признака иерархичности.

Возможно, учитывая это обстоятельство, выдвигают «компромиссный» тезис «Предложение строится из слов и словосочетаний». Однако никто не попытался оправдать эту гипотезу, показать на конкретном примере, что предложение действительно строится частью из слов, частью — из словосочетаний. И это не случайно: строительным материалом для предложения (фразы) являются не сочетания слов, а слова.

Теория уровней исходит из того, что каждый ярус языка формируется одной лингвистической единицей. Синтаксическому же уровню в анализируемой концепции приписаны две единицы, что тоже противоречит теории уровней.

Таким образом, мы не нашли ни одного аргумента в пользу мнения, что словосочетание является особой единицей языка, существующей вне и до предложения. Синтаксическое словосочетание есть не единица языка, а *свободная комбинация единиц (слов) в составе предложения (фразы), отрезок предложенческой цепи*. Это именно словосочетание, т. е. сочетание слов. Словосочетание выделяется из предложения (фразы) в процессе теоретического анализа с целью изучения сочетательного потенциала слов. «Такое рассмотрение словосочетаний в отвлечении от предложений, — пишет А. Н. Гвоздев, — аналогично рассмотрению аффиксов в отвлечении от слова, хотя они существуют только в словах» (Гвоздев, 1958, 11, 19). Объектом синтаксиса являются не словосочетания как таковые, а правила (законы, способы) сочетания слов в процессе порождения фразы. «...Объектом синтаксиса является комбинаторика слов, в процессе осуществления которой и возникает речь» (Солнцев, 1977, 289). «Единственное, ради чего стоит ими заниматься, — пишет В. А. Звегинцев, — это выявление грамматических связей слов, с помощью которых из слов строится предложение» (Звегинцев, 1976, 132)²⁰. Иначе говоря, словосочетания — это материал для изучения сочетаемости (валентности)²¹.

20 См. также: Арутюнова, 1962, 33; Распопов, 1973, 12; Медникова, 1974,

²¹ См. еще: Фоменко, 1975, 60—65; Фоменко, 1976, 13—16; Фоменко, 1979, 125. Заметим, что переход от понятия словосочетания к понятию сочетаемости слов вовсе не означает понижения теоретической и практической значимости соответствующего раздела синтаксиса, как полагают некоторые (см.! **Акимов Г. Н.** Современная синтаксическая наука и университетский курс синтаксиса // Спорные вопросы русского языкознания: Теория и практика: Межвуз. сб. — Л., 1983. — С. 73). Скорее — наоборот.

Если мы назовем синтаксическое словосочетание единицей языка, если мы припишем ему признаки воспроизводимости и номинативности, то отождествим его с фразеологическим словосочетанием. Между тем это качественно различные явления, можно сказать — антиподы.

Синтаксическое словосочетание — это не факт языка, а явление речи. В языке ему соответствует валентность вступивших в сочетание слов. Конкретное словосочетание дано нам на уровне живого созерцания, а валентность — на уровне абстрактного мышления.

Валентность так относится к словосочетанию, как язык к речи, сущность к явлению, общее к частному, абстрактное к конкретному, возможность к действительности. Словосочетание — это речевая реализация категориальной и индивидуальной (грамматической и лексической) валентности слов. Словосочетание — это минимальный контекст слова.

В синтаксических описаниях вместо раздела «Словосочетание» должен быть раздел «Валентность (сочетаемость) частей речи». Поскольку же валентность реализуется только и именно в речи (в предложении, точнее — фразе), постольку учение о валентности должно целиком входить в синтаксис предложения²².

После всего сказанного ясно, что основной единицей языка (или — лучше — единицей языка в строгом смысле этого термина) является слово, характеризующееся всем набором перечисленных ранее признаков, несущее в себе все существенные свойства языка.

Не требует специальных доказательств то, что слово обладает признаками субстанциональности, дискретности, линейности, неоднородности и иерархичности.

Слово обладает признаком воспроизводимости: оно не строится в процессе коммуникации, а извлекается из памяти как единица готовая, заранее данная. «Слово, — пишет Б. Н. Головин, — это наименьшая смысловая единица языка, свободно воспроизводимая в речи для построения высказываний» (Головин, 1978, 70).

Слово характеризуется признаком цельности (неделимости): оно не допускает членения на элементы того же уровня, без потери данного качества.

Слово двусторонне, т. е. имеет форму и содержание, звуковую оболочку и значение.

Слово выполняет номинативную функцию, т. е. используется как средство наименования предметов, признаков и действий. В связи с этим можно дать следующее определение слова: «Сло-

22 См.: Фоменко Ю. В. К спорам о предмете синтаксиса // Предложение в русском языке: Структура. Семантика. Функционирование: Сб. науч. тр. — Омск, 1985. — С. 4—13.

во — это номинативная единица языка, используемая как строительный материал для предложения».

Наконец, слово обладает признаком самостоятельности: в отличие от фонемы и морфемы, оно допускает изолированное употребление в естественной речи.

Всеми этими признаками обладают также фразеологические обороты (сращения и единства).

Коммуникативная деятельность человека протекает не на базе фонем, слогов и морфем (не говоря о словосочетаниях), а на базе слов.

«Первичное разложение потока речи, предшествующее какому бы то ни было анализу и синтезу, — пишет А. А. Леонтьев, — это разложение на слова. Именно слово является, следовательно, минимальной функциональной единицей речевого восприятия. В свою очередь, при кодировании языком внеязыковых сообщений мы отбираем и соединяем в различной последовательности не звуки, не слоги и не фонемы, а слова, точнее, словоформы» (Леонтьев, 1961, 185). «Таким образом, — продолжает другой исследователь, — можно считать слово минимальной функциональной единицей речевой деятельности вообще» (Чесноков, 1966, 284 — 285). «Никто из психологов не сомневается в том, что процессы познавательной деятельности и прежде всего мышления протекают с участием основных образований языка — слов, являющихся основой понятий и грамматических структур, создающих основную сетку, в пределах которой протекают процессы вывода, умозаключения и продуктивного мышления» (Лурия, 1972, 165). А. И. Смирницкий писал: «Не случайно человеческий язык нередко называют языком слов: ведь именно слова, в их общей совокупности, как словарный состав языка, являются тем «строительным материалом», без которого немислим никакой язык; и именно *слова* изменяются и сочетаются в связной речи по законам грамматического строя данного языка. Таким образом, слово выступает как необходимая единица языка и в области *лексики* (словарного состава), и в области *грамматики* (грамматического строя), и поэтому слово должно быть признано вообще основной языковой единицей; все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово» (Смирницкий, 1955, 11; выделено автором. — Ю. Ф.). Ф. де Соссюр справедливо заметил: «...Слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка...» (Соссюр, 1977, 143).

В свое время мы указали на необходимость разграничения

элемента, единицы и комбинации единиц. Теперь мы можем сказать, что фонема и морфема — это элементы, слово — единица, а предложение (фраза) — комбинация единиц, причем комбинация свободная, в отличие от комбинации элементов (в комбинации фонем в морфеме и комбинации морфем в лексеме). Однако когда возникает необходимость использовать обобщающее наименование, обычно прибегают к термину *единица*.

Основными функциями языка являются номинативная и коммуникативная. Номинативную функцию выполняет слово (и фразеологизм), а коммуникативную — комбинация слов (фраза). Номинация и коммуникация предполагают друг друга и невозможны друг без друга. Номинация — сфера языка, коммуникация — сфера речи.

Сферы языка и речи можно представить в виде следующей схемы (рис. 3):

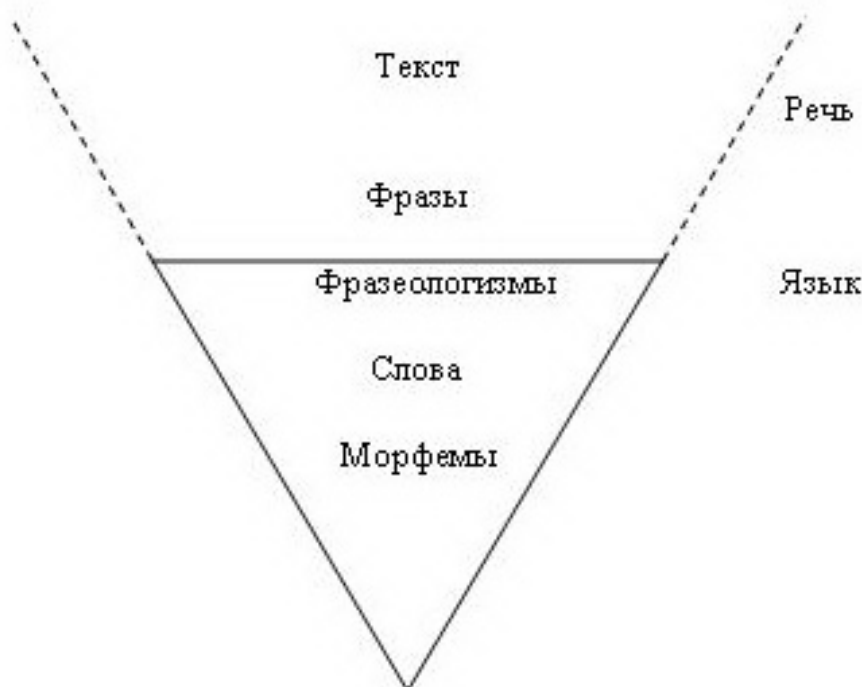

Рис. 3

В заключение этого раздела о единицах языка рассмотрим гипотезу И. С. Торопцева.

Если большинство лингвистов обычно оперируют 4—5 единицами языка (относя к ним фонему, морфему, лексему и предложение, иногда — словосочетание), то И. С. Торопцев выделяет 7 (!) единиц языка, а именно: «лексическую единицу, модель выбора лексических единиц, модель образования словоформы, модель выбора модели образования словоформы, модель образования речевой синтаксической конструкции, модель выбора модели образования речевой синтаксической конструкции, модель проговаривания» (Торопцев, 1985, 85). Этим 7 «языковым единицам» соответствуют «три речевых единицы результата речи: словоформа, речевое слово, предложение» (Торопцев, 1985, 85).

Как следует оценить предлагаемую гипотезу? Развернутое учение о единице языка в книге отсутствует. Соответствующая литература (Ф. де Соссюр, А. И. Смирницкий, Э. Бенвенист, В. М. Солнцев, А. И. Моисеев, Ю. В. Фоменко и др.) не упоминается. Термин *единица* не интерпретируется. Признаки единицы не перечисляются и не анализируются. Только очень внимательное чтение книги позволяет читателю выдвинуть предположение, что различительными признаками единицы языка И. С. Торопцев считает воспроизводимость (с. 74, 87, 90), двусторонность (с. 84) и материальность (с. 46). Теперь мы должны проверить, все ли выдвинутые И. С. Торопцевым единицы обладают этими признаками. Под моделью (в частности, под «моделью образования речевой синтаксической конструкции») И. С. Торопцев понимает «план умственной деятельности», умение (умение образовать синтаксическую конструкцию) (с. 82). Но умение не материализовано ни в реальных звуковых рядах (физически), ни в их представлениях, отпечатках (физиологически), что признает и сам И. С. Торопцев (с. 148). На с. 162 И. С. Торопцев замечает, что синтаксические модели «нельзя реализовать иначе, как заполнив знаками», что они «недоступны восприятию со стороны слушателя и потому не способны выполнить знаковые функции» (с. 163).

Следовательно, все 6 моделей, выдаваемые И. С. Торопцевым за единицы, таковыми не являются. И. С. Торопцев по существу признает это и сам, называя эти модели «моделями речеобразования» (с. 148), «умением использовать язык в ходе речеобразования» (с. 148), «порождающим устройством, механизмом порождения» (с. 149), «грамматической подсистемой» (с. 148), грамматикой. «Отношение между лексической и грамматической подсистемами языка, — пишет И. С. Торопцев, — можно сформулировать как материал и способы его преобразования в ходе построения речевых синтаксических конструкций» (с. 148). Таким образом, из 7 языковых единиц И. С. Торопцева остается лишь одна — «лексическая единица» (слово и фразеологизм). Факты языка легко опровергают решительное заявление И. С. Торопцева: «...Нельзя согласиться с точкой зрения, согласно которой слово является основной единицей языка...» (с. 149).

«Языковые единицы словесного языка..., — говорит И. С. Торопцев, — соотносительны с объективной действительностью по значению, по содержательной стороне, и находятся с нею в отношениях соответствия...» (с. 133). Это верно. Но какие же отношения соответствия можно усмотреть между «моделью выбора лексических единиц», «моделью образования словоформы», «моделью выбора модели образования словоформы», «моделью образования речевой синтаксической конструкции», «моделью выбора модели образования речевой синтаксической конструкции»

и «моделью проговаривания» (с. 85) и объективной действительностью? Таких отношений нет. Следовательно, нет и перечисленных «языковых единиц».

Если понятия «модель образования словоформы» и «модель образования речевой синтаксической конструкции» (а также, в какой-то степени, «модель проговаривания») — пусть недостаточно четко — в книге объясняются, то понятия «модель выбора лексических единиц», «модель выбора модели образования словоформы» и «модель выбора модели образования речевой синтаксической конструкции» вообще не раскрываются. И это, на наш взгляд, объясняется не упущением автора, а невозможностью вложить реальное содержание в причудливое словосочетание «модель выбора модели...»

К числу речевых единиц И. С. Торопцев относит словоформу, речевое слово и предложение (с. 85). Понятие речевого слова не обсуждается, не определяется и не иллюстрируется. Словоформы И. С. Торопцев распределяет между языком и речью. «Словоформы в именительном падеже» (видимо, начальные формы?) воспроизводятся, т. е. относятся к языку, словоформы в косвенных падежах (видимо, неначальные формы?) производятся по моделям и относятся к речи (с. 183). Это расчленение форм одного слова по меньшей мере спорно и требует аргументации, которая, однако, отсутствует. Контраргументы, напротив, выдвинуть легко. Если мы одну форму слова относим к языку, а другие — к речи, то ту же самую процедуру мы должны осуществить по отношению к фонеме и морфеме, т. е. один аллофон и один алломорф отнести к языку, а другие — к речи. Между тем это резко противоречит убеждениям всех лингвистов и, по-видимому, самого И. С. Торопцева. Второй контраргумент. Далеко не все исследователи признают само членение форм слова на начальную и неначальные, а самое главное — качественную разницу между ними. Наконец, эта идея И. С. Торопцева расходится с общенаучным представлением о взаимоотношениях инварианта и вариантов, согласно которому каждый вариант относится к инварианту так же, как любой другой.

«...Словоформа и речевое слово (речевые единицы) не уравниваются с соответствующими лексическими единицами (языковыми единицами), а лишь соотносятся с ними» (с. 161), — пишет И. С. Торопцев. Но ведь сказать «соотносятся» — значит ничего не сказать! В другом месте книги И. С. Торопцев утверждает, что «слова (как языковые единицы) и словоформы (как речевые единицы) — принципиально различные единицы» (с. 80), однако это «принципиальное» различие не показывает.

В связи с таким пониманием взаимоотношений слова и словоформы И. С. Торопцев настаивает на том, что «лексическое и

грамматическое в языке разъединены, связаны с разными единицами» (с. 85), что слово не имеет грамматических значений (с. 80).

По мнению И. С. Торопцева, языковых единиц в речи нет. Например: «...Слово в речи не дано...» (с. 183). И в то же время он говорит: «...Речь ...распадается на первоэлементы, языковые единицы...» (с. 169).

В понимании предложения И. С. Торопцев не расходится с традицией.

Таким образом, принять гипотезу И. С. Торопцева о единицах языка не представляется возможным.

Вопросы для самопроверки

1. Какими признаками характеризуется единица языка?
2. Что следует считать единицей языка в строгом смысле этого термина?
3. Каков лингвистический статус фонемы и морфемы? Словосочетания?

Предложения?

6. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ НА УРОВНЕ ЯЗЫКА И НА УРОВНЕ РЕЧИ

6.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Лингвистические единицы (элементы) имеют неодинаковый статус на уровне языка и на уровне речи. Лингвистическая единица на уровне языка так относится к лингвистической единице на уровне речи, как язык — к речи, психическое (психофизиологическое) — к физическому (психофизическому), сущность — к явлению, общее — к частному, абстрактное — к конкретному, возможность — к действительности, инвариант — к варианту. Лингвистическая единица на уровне языка имеет психический (психофизиологический) характер, на уровне речи — характер физический (психофизический). Лингвистическая единица на уровне языка — это сущность, на уровне речи — явление. Лингвистическая единица на уровне языка — это общее, на уровне речи — частное. Лингвистическая единица на уровне языка носит абстрактный, на уровне речи — конкретный характер. Лингвистическая единица на уровне языка — это возможность, на уровне речи — ее действительность. Но со всеми этими понятиями студенты знакомы по курсу философии. Менее известны студентам понятия инварианта и варианта. Инвариант (от франц. *Invariant* — «неизменяющийся») — это собирательное понятие, охватывающее целую группу однородных предметов, вариант (от лат.

varians, variantis) — «разновидность, видоизменение чего-л.» (Словарь, I, 170). Применительно к языку инвариантом считается «структурная единица языка (фонема, морфема, лексема и т. д.) в отвлечении от ее конкретных реализаций» (Розенталь, Теленкова, 1972, 116).

Единица уровня речи — это всегда одна из нескольких возможных реализаций (конкретизации, манифестаций, репрезентаций) единицы уровня языка. Это можно представить в виде общей формулы $A = a_1, a_2, a_3 \dots a_n$ (где A — единица уровня языка, а a — единица уровня речи. Вариант (или экземпляр) языковой единицы есть форма ее речевого бытия (см.: Солнцев, 1984, 35). Единица хранится как A , а используется как a . «Единицы языка, например, фонема, морфема и слово (лексема), по сути дела представляют собой краткие наименования множеств реальных экземпляров, в виде которых они существуют» (Солнцев, 1984, 34).

Так, фонеме как единице уровня языка соответствуют аллофоны (позиционные варианты фонемы; в отечественном языкознании обычно — «звуки») на уровне речи; морфеме — алломорфы, морфы, варианты морфемы; лексеме — словоформы (на уровне морфологии) и аллолексы, или лексы (на уровне лексики); предложению — высказывания, или фразы.

Фонема *о* репрезентируется в речи аллофонами *о* (*вóды*), *а* (*вадá*), *ь* (*вьда-вóс*).

Морфема *друг* - представлена в речи алломорфами *друг-* (*друга*), *друж-* (*дружнýй*), *друз '* (*друзья*); морфема *бр-* алломорфами *бр-* (*брать*), *бер-* (*беру*), *-бир-* (*собирать*); морфема *гнб-* — алломорфами *-гнб-* (*сгнбать*), *-гб-* (*согбенный*), *-г-* (*согнуть*); морфема твор. пад. ед. ч. существительных женского рода на *-а* — алломорфами *-ою* и *-ой* (*страною*, *страной*).

Лексема *туз* на уровне морфологии представлена в речи словоформами *туз*, *туза*, *тузу*, *туз*, *тузом*, *тузе*, *тузы*, *тузов*, *тузам*, *тузы*, *тузами* и *тузах*, а на уровне лексики — двумя лексами (лекса — это слово, т. е. лексема, взятое в одном из своих значений): 1) *Туз* выиграл! — сказал Германн... (П.) и 2) Финансовый *туз*.

Предложение типа «подлежащее + сказуемое» представлено в речи бесконечным числом конкретных фраз: *Паровоз идет*, *Лошадь стоит*, *Народ побеждает*, *Лето прошло* и т. д.

Все эти варианты носят общенародный характер, т. е. используются всеми говорящими на данном языке²³. Кроме вари-

23 А. И. Моисеев пишет: «...В языке существуют не только слова, но и их словоформы, не только морфемы, но и алломорфы, не только фонемы, но и их варианты, но, конечно, не в виде конкретных звучаний, а в форме звуковых образов» (Моисеев, 1977, 42).

антов общенародного характера, в речи всегда имеют место варианты группового и индивидуального характера, индивидуальные вариации языковых единиц. Легче всего показать эти варианты на уровне фонетики. Например, звуки *p* и *p'* (ср.: *двор* — *во дворе*) по отношению к фонеме *p* являются вариантами общенародного характера, звук «р картавое», встречающийся в речи отдельных людей и воспринимаемый как небольшой дефект произношения, — вариант группового характера, а бесконечно разнообразные конкретные звуки *p* в речи разных конкретных людей, звуки, тонкие различия которых не фиксируются человеческим ухом, — варианты индивидуального характера.

6.2. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Во многих учебных пособиях курс графики до сих пор строится в понятиях единиц речи. Элемент графики — букву — соотносят не с фонемой, а с аллофонами. Отсюда возникает учение о многозначности букв, которое опирается не на фонемное, а на звуковое значение графемы. Пишут, например, о многозначности буквы *о*, которая передает звуки *о*, *а*, *ь*. Но если для нас звуки *о*, *а*, *ь* есть варианты (аллофоны) фонемы (одной фонемы!) *о*, то буква *о* с фонемной точки зрения оказывается однозначной. О многозначности следует говорить только применительно к буквам *я*, *ю*, *е*, *ё*, которые обозначают то фонемы *'а*, *'у*, *'э*, *'о*, то фонемосочетания *йа*, *йу*, *йэ*, *йо*.

На самом деле русская графика возникла и существует на фонологической основе. Элементы русской графики отражают не аллофоны, а фонемы русского языка. Например, в русском алфавите есть 10 парных гласных букв для передачи 5 гласных фонем (*а* — *я*, *у* — *ю*, *о* — *ё*, *э* — *е*, *ы* — *и*) и 21 согласная буква для передачи 37 согласных фонем (*б*, *в*, *г*, *д*, *з*, *к*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*, *с*, *т*, *ф*, *х*; *ж*, *ш*, *щ*, *ц*, *ч*; *й*), а также 2 буквы, лишённые звукового значения, — *ъ* и *ь*. В то же время в русском алфавите нет букв для передачи аллофонов *ъ*, *у*, *дз* и др.

Именно с точки зрения учения о языке и речи следует интерпретировать природу русской орфографии.

Современная русская орфография включает в себя 5 основных разделов: 1) передача буквами звукового состава слов; 2) слитные, раздельные и дефисные (полуслитные) написания слов; 3) употребление прописных и строчных букв; 4) правила переноса слов с одной строки на другую; 5) графические сокращения слов.

Важнейшим разделом орфографии является первый — передача буквами звукового состава слов. Этот раздел орфографии непосредственно связан с графикой. Если графика устанавливает

правила обозначения звуков в сильных позициях, то орфография — в слабых. В области обозначения звуков слабых позиций орфография может идти двумя путями — передавать или не передавать на письме позиционные изменения звуков. Если бы наша орфография пошла первым путем, то слова (и морфемы) имели бы несколько (а иногда и много) графических вариантов, поскольку фонемы русского языка представлены в слабых позициях большим числом аллофонов. Мы бы, например, могли писать *атец, ацá, аццá, атсá, очий; изда, ездить, абъещик; плёл, плиту, пириплёт, пириплёчик, пириплечик; брат, братца, браца, брацца, братса; брать, браться, браца, брацца, братся, братса, братца, бракса, брадса, брадца; сожаление, сажаление, сажыление, сажеление, сажиление, сажаления, сажыления, сажеления, сажиления.*

Такая неустойчивость буквенного облика слов мешала бы пониманию текста и препятствовала бы языку выполнять его функцию средства общения. Поэтому наша орфография пошла вторым путем, т. е. отказалась от передачи на письме позиционных изменений звуков. Для обозначения звуков слабых позиций русская орфография использует те же буквы, что и для обозначения звуков сильной позиции. Иначе говоря, русская орфография передает не меняющийся звуковой, а устойчивый фонемный состав слов (и морфем). Это значит, что наша орфография следует фонематическому принципу, является фонематической. Например: *дома*, а не *дама* — потому что *дом*; *хлеб*, а не *хлеп* — потому что *хлеба*; *лодка*, а не *лотка* — потому что *лодок*; *отдать*, а не *аддать* — потому что *отнято*; *заботливый*, а не *заботлевый* — потому что *счастливый*; *на стуле*, а не *на стули* — потому что *на столе*. Фонематический принцип применяется пишущими (и взрослыми, и детьми) на самых первых этапах овладения грамотностью, например, тогда, когда ребенок пишет *вода* и проверяет это написание ссылкой на форму *вóды*.

Какие действия производит пишущий, применяя фонематический принцип? Сначала он определяет звук: например, звук *а* в слове *вада*; затем он определяет, вариантом какой фонемы этот звук является: в данном случае звук *а* является вариантом фонемы *о*; теперь ему остается лишь вспомнить, какая русская буква передает фонему *о*: это буква *о*.

Фонематический принцип обеспечивает единообразное написание одной и той же морфемы в разных формах слова и в разных словах, единообразное написание морфем позволяет легко узнавать слова с этими морфемами, а это, в свою очередь, способствует быстрому пониманию текста.

В связи с единообразным написанием большинства морфем русскую орфографию иногда называют морфологической, т. е.

построенной на морфологическом принципе. Морфологический принцип понимают как требование единообразного написания морфем²⁴. Однако само по себе требование писать морфемы одинаково не объясняет выбор букв для передачи звукового состава слов. Действительно, как нужно писать: «сад — сады» или «сат — саты»? «Любить — люблю» или «люблю — любить»? Ведь морфологический принцип соблюдается и в том, и в другом случае. Однако мы пишем только «сад — сады», а не «сат — саты», потому что руководствуемся фонемным составом слов, фонематическим принципом. Как видим, «морфологический принцип» не обладает объяснительной силой. «Морфологизм» русской орфографии — это следствие и внешнее проявление ее фонематичности. Со значительной долей условности можно было бы сказать, что фонематический принцип орфографии — ее сущность, а морфологический принцип — явление. Понятие морфологического принципа отражает вчерашний день науки, ее дофонологический этап.

Кстати, сторонники морфологического принципа практически вынуждены обращаться к понятию фонемы. Когда они говорят, что единообразное написание морфем достигается необозначением позиционных чередований (см.: Гвоздев, 1958, I, 84), то фактически морфологическое определение письма заменяют фонологическим.

Это первый (неопровержимый) аргумент против утверждения, что основным принципом русской орфографии является морфологический принцип.

Второй аргумент состоит в том, что морфемы в русском языке далеко не всегда пишутся одинаково, поскольку русское письмо отражает исторические чередования фонем. Например: *мать — мну — разминать, жгу — жечь — разожженный, посылать — шлю, сгибать — гнуть, мох — замшелый, прошедший — шла, сон — уснул — спать — засыпать, растереть — разотру, Дания — датский, дискуссия — дискутировать* и т. п. Все эти и аналогичные написания соответствуют фонематическому принципу, но не соответствуют «морфологическому».

Таким образом, основным принципом русской орфографии является *фонематический принцип*, заключающийся в передаче на письме не меняющегося звукового, а устойчивого фонемного состава морфем и слов. Фонематическому принципу подчиняется подавляющее большинство написаний: по мнению Л. Л. Касаткина — 80% (Касаткин, 1988, 138).

Фонематический принцип русской орфографии органически связан с фонематическим принципом русской графики.

²⁴ В связи с этим нужно заметить, что точнее был бы термин *морфематический принцип*.

6.3. СИНТАКСИС

С позиций учения о языке и речи следует рассматривать понятие неполноты предложения. Неполнота предложения — понятие речи. На уровне языка все предложения полные. Как заметил Р. Зимек, «структура никогда не может быть неполной. Пропуск структурных элементов возможен лишь на уровне высказывания» (Зимек, 1967, 85). Точнее было бы говорить о полной и неполной фразе (высказывании). Они строятся по одной и той же модели. Например: *Солдаты бросились в окно* // *Солдаты — в окно*. Только в неполной фразе одна или несколько синтаксических позиций не реализованы в конкретной лексеме, не замещены, т. е. являются нулевыми. Неполную фразу можно представить в виде следующей схемы: $\frac{П \ C \ Об}{+ \ - \ +}$, где в числителе — уровень языка, а в знаменате-

ле — уровень речи. Неполным может быть лексическое заполнение модели, а не сама модель. Модель же не может быть неполной. В анализируемой нами фразе не замещена (является нулевой) позиция сказуемого. Можно сказать, что глагол-сказуемое в ней отсутствует физически, но присутствует структурно. Говорить же о «пропуске» сказуемого, о его «отсутствии» было бы неверно.

Чем объясняется возможность опущения какой-либо конкретной лексемы на уровне речи, возможность незамещенных, нулевых позиций? Эта возможность объясняется или внутренним контекстом, или внешним контекстом, или ситуацией.

Неполнота фразы, объясняющаяся наличием внутреннего контекста, наблюдается в высказываниях типа *Солдаты — в окно*. В таких фразах один элемент группы сказуемого берет на себя выражение смысла всей группы (поэтому-то мы и говорим здесь о внутреннем контексте). Обстоятельство, реализующее соответствующую валентность глагола и находящееся с ним в отношениях семантического согласования, свидетельствует о его наличии на уровне структуры, о его структурном (и семантическом, «внечувственном») присутствии. Обстоятельство места *в окно*, содержащее сему направления, предсказывает в позиции сказуемого одну из лексем класса *бросились, кинулись, метнулись*, т. е. глагол, в лексическое значение которого тоже входит сема направления, глагол со значением перемещения субъекта в пространстве. Таким образом, одно обстоятельство *в окно* выражает не только идею направления, но и идею стремительного перемещения в пространстве, т. е. семантически равно сочетанию *бросились в окно*.

Почему мы чаще говорим «Вы — с юга?», а не «Вы приехали с юга?» Потому что обе семы глагола («передвигаться» +

«с помощью транспортных средств») по существу избыточны (см.: Гак, 1972, 393).

Неполнота фразы, объясняющаяся наличием внешнего контекста (или просто «контекста»), обычно имеет место в диалоге. Например: *Что, грибы собирала?* — *Да, грибы* (Тургенев). В ответной реплике опущен глагол *собирала*, так как он употреблен в предшествующей фразе, и повторять его нежелательно со стилистической точки зрения, с точки зрения экономии речевых усилий.

Неполнота фразы может иметь ситуативную природу, т. е. объясняться общностью ситуации, в которой находятся и говорящий, и слушающий. Например, на автобусной остановке стоят несколько заждавшихся пассажиров. Вдруг один из них радостно восклицает: «Идет!» Ситуация недвусмысленно подсказывает, что говорящий имеет в виду автобус. Следовательно, в фразе «Идет!» имеет место нулевое подлежащее.

6.4. ЛЕКСИКА

Те же самые отношения общего и частного, абстрактного и конкретного, инварианта и вариантов наблюдаются в сфере значения. Слово в языке многозначно (т. е. может быть многозначно), а в речи оно обычно однозначно, потому что конкретный контекст снимает многозначность, актуализируя в слове одно из его значений и гася все остальные. Например: *После трехчасовой операции врач чувствовал себя основательно уставшим и Операция окружения противника закончилась вполне успешно.*

Значение слова в языке всегда абстрактно, совпадает с понятием, т. к. указывает на целый класс однородных предметов, а не на отдельный, конкретный предмет. В речи же значение слова может конкретизироваться. Таким образом, в речи слово может выразить и понятие, и представление, и восприятие, и ощущение. Например:

- 1) Учитель говорит ученикам: «Собака — лучший друг человека»;
- 2) «Соседская собака покусала мальчика», — рассказываете вы знакомым;
- 3) Вы видите бегущую на вас собаку и восклицаете: «Собака!»;
- 4) Наткнувшись в темноте на что-то мягкое, теплое и живое, сразу же отскочившее в сторону, вы сообщите своему спутнику: «Собака!»

Лексическое значение есть отражение предмета в сознании, есть мыслительный образ предмета. Но предмет представляет со-

бой не аморфную массу, а некоторую совокупность свойств (признаков). Следовательно, отражение предмета в сознании тоже должно члениться на части (компоненты), каждая из которых отражает тот или иной признак предмета. Таким образом, значение слова есть комбинация двух или нескольких частей, компонентов²⁵. Компоненты значения слова называют еще элементарными смыслами, семантическими множителями, дифференциальными признаками, семами. Каждая сема представлена в толковании лексического значения одним или несколькими словами. Например: *человек* = «живое существо» + «обладающее мышлением» + «речью» + «способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда»; *животное* — «живое существо» + «не обладающее абстрактным мышлением» + «речью»; *растение* = «организм» + «питающийся неорганическими веществами воздуха и почвы» + «способный создавать органические вещества из неорганических» + «обычно прикрепленный к месту своего обитания».

Компоненты значения вычленяются в результате сравнения двух смежных слов одной лексико-семантической группы. Например, в результате сравнения слова *стул* со словом *плита* мы получаем дифференциальный признак «род мебели», со словом *кровать* — дифференциальный признак «предназначенный для сидения», со словом *табурет* — дифференциальный признак «со спинкой», со словом *диван* — дифференциальный признак «для одного человека». В результате сравнения слова *ходить* со словом *стоять* мы получаем дифференциальный признак «передвигаться», со словом *ездить* — дифференциальный признак «пешком», со словом *бегать* — дифференциальный признак «не отрываясь от земли», т. е. лексическое значение «передвигаться с помощью ног, не отрываясь от земли».

Различают родовые и видовые семы. Например, в глаголе *приходить* семы «приближаться» и «пешком» являются видовыми, а сема «действие» — родовой. Французские лингвисты Потье и Греймас называли родовые семы классемами. Классема — это сема, охватывающая целый класс слов. Общий список классем не составлен, но к ним относятся такие родовые семы, как: «одушевленность/неодушевленность», «человеческое существо/животное», «мужской пол/женский пол», «взрослая особь/молодая особь», «материальность/нематериальность», «счисляемость/несчисляемость», «действие/состояние», «переходность/непереходность действия» и т. д. «Нетрудно заметить, — пишет В. Г. Гак, — что эти классем соответствуют преимущественно крупным

25 По-видимому, встречаются и однокомпонентные значения. Это, например, значения признаков слов вроде *первый*, *прямой*, *хороший*.

группировкам внутри частей речи, так называемым «подклассам» слов...» (Гак, 1972, 375).

Семы, далее, делятся на ядерные (главные) и периферийные (второстепенные). Ядерные семы отражают постоянные и обязательные признаки предмета, периферийные — непостоянные и необязательные признаки. Например, в значении слова *женщина* семы «лицо», «женский пол», «взрослая особь» являются ядерными, а семы «физически слабая», «красивая» — периферийными. В словарях периферийные семы не фиксируются. Однако именно они чаще всего выступают как база метафоризации.

В значении некоторых слов можно обнаружить т. н. потенциальные (или ассоциативные) семы. Потенциальные семы отражают такой признак предмета, который приписывается ему общественным сознанием. Например, общественное сознание русского народа приписало лисе признак хитрости (хотя наука уже установила, что лиса является далеко не самым сообразительным зверем и даже уступает известному своей «глупостью» волку). Иначе говоря, в сознании русского человека понятие «лиса» ассоциируется с понятием «хитрость». Таким образом, значение слова *лиса* можно представить как комбинацию следующих сем: «одушевленное существо» + «животное» + «животное с определенными биологическими признаками» + «хитрость».

Компонентный анализ позволяет более точно описывать значение слова на уровне языка и его варианты на уровне речи²⁶.

Итак, лексическое значение слова на уровне языка представляет собой комбинацию двух или нескольких сем. В процессе использования слова в речи актуализируется (т. е. выдвигается на передний план, осмысливается как наиболее важная) одна из нескольких сем, входящих в состав значения. Следовательно, речевое значение отличается от языкового не только конкретностью / абстрактностью, но и актуализацией одной из сем²⁷. Покажем это на примере слова *мальчик*.

Лексическое значение слова *мальчик* представляет собой комбинацию сем «лицо мужского пола» и «невзрослое». В разных случаях употребления слова акцент делается то на одной, то на другой семе: 1) «В этот раз она родила мальчика» (актуализирована 1-я сема), 2) «Наконец Я слышу речь не мальчика, но мужа» (Пушкин) (актуализирована 2-я сема).

Компонентный анализ позволяет объяснить любую, самую неожиданную метафору.

26 Более подробно типы сем характеризуются в: Попова, Стернин, 1984; Стернин, 1986.

27 «В коммуникативном акте реализуется лишь коммуникативно релевантная часть значения, а не все значение целиком» (Стернин, 1985, 34).

Анализируя лингвистические единицы на уровне языка и на уровне речи, мы должны коснуться проблемы взаимоотношения слова и контекста²⁸. В современной лингвистической литературе представлены две точки зрения на эту проблему. Согласно первой точке зрения, слово семантически несамостоятельно, лишено собственного содержания и получает его лишь при вхождении в контекст. Этой точки зрения придерживались Г. Штейнталь, К. Фосслер, Э. Гуссерль, Г. Шпет, Й. Трир, Ж. Вандриес и др. Особенно широкое распространение она получила в последние годы, в работах представителей структурального направления: П. Вегенера, Г. Шпероера, А. Норейна, А. Гардинера, Л. Блумфилда, Л. Ельмслева, С. К. Шаумяна и др. (см.: Будагов, 1961, 191).

Согласно другой, противоположной точке зрения, слово не зависит от контекста, семантически самостоятельно; оно не получает значение, а имеет его. Приведем здесь несколько высказываний, отражающих эту точку зрения.

«...Контекст лишь реализует то, что заложено в самом... слове» (Будагов, 1961, 18); «...Контекст не создает, а воспроизводит значения слов» (Дмитриева, 1971, 24); «Функционирование слова в речи и его семантические отношения не только не создают значения, а наоборот, свойство абсолютности лексического значения большей частью определяет возможность тех или иных семантических отношений слова» (Аллендорф, 1971, 12); «...Именно значение слова определяет возможные для него связи и отношения» (Аллендорф, 1971, 24); «...Изменившаяся сочетаемость, новый контекст — это лишь явление, обнаружение новой сущности... Контекст в лучшем случае — повивальная бабка, принимающая младенца, но никак не роженица, дающая жизнь новому значению» (Бурмако, 1980, 45, 46); «Нам представляется непоследовательным говорить о контекстуальном значении слова, т. е. о возможности наличия у слова такого значения, такого набора семантических элементов, который не связан с языковыми характеристиками слова; именно языковое значение обуславливает его метафорическое употребление, т. е. использование для называния необычного (нестандартного) объекта, но в пределах диапазона, заданного языковой программой. При метафорическом употреблении отдельные элементы семантического набора нейтрализуются, но не возникает абсолютно нового набора семантических элементов (нового значения)» (Литвин, 1974, 4).

Близкие к этим высказывания мы найдем и у многих других авторов Ш. Балли, А. Мейе, А. Мартине, С. Карцевского, К. Тэцуя, А. И. Смирницкого, Т. П. Ломтева, В. З. Панфилова, Н. Д. Гариповой, С. Д. Кацнельсона, М. Г. Арсеньевой, Т. В. Строевой и А. П. Хазанович, М. Т. Тагиева, Н. Ю. Шведовой, Б. М. Лейкиной, В. А. Жеребкова, К. С. Горбачевича и Ф. П. Сороколетова, Н. З. Котеловой, Б. Ю. Нормана, А. Р. Лурия, Г. В. Колшанского и др.

28 Контекст — это «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» (Словарь, II, 120).

О контексте см.: Колшанский, 1969; Амосова, 1963; Шмелев, 1964, 185 и след.; Уфимцева, 1968, 217 и след.; Гак, 1972.

Однако эта точка зрения не получила всеобщего признания. В современной лексикологической литературе продолжает удерживаться тезис о зависимости слова от его лексического окружения. Например, Э. В. Кузнецова пишет: «Связь семантических признаков слова с его синтаксическим и лексическим окружением во фразе наиболее ярко проявляется в зависимости значения слова от контекста» (Кузнецова, 1968, 14—15). «Убедительным свидетельством этой зависимости служит возможность осмысления значения незнакомого или пропущенного слова по контексту» (Кузнецова, 1968, 29²⁹).

Думается, что в этом утверждении отношения зависимости поставлены с ног на голову. Ведь сама «возможность осмысления (слушающим. — Ю. Ф.) значения незнакомого или пропущенного слова по контексту» возникает именно благодаря тому, что контекст был сформирован с учетом, под влиянием соответствующего лексического значения.

Рассмотрим оба случая, упомянутые Э. В. Кузнецовой, — осмысление значения незнакомого и осмысление значения пропущенного слова.

Допустим, что адресат речи получил фразу «Поэт фразировал мещан своей желтой кофтой и грубыми репликами». Смысл слова *фразировал* ему неизвестен, но лексическое окружение поможет (способно помочь) получателю речи догадаться о значении этого слова («неприятно поражал, изумлял, удивлял»). Однако значит ли это, что данное лексическое значение зависит от контекста; определяется им? Вовсе нет. Когда говорящий строил данный контекст, он строил его с учетом требований известного ему слова *фразировать*. Естественно, что построенный по требованию лексического значения «фразировать» контекст несет в себе обратную информацию об этом лексическом значении. Этой обратной информацией может воспользоваться получатель речи. Восприняв контекст неизвестного ему до сих пор слова *фразировать*, получатель речи умозаключает о лексическом значении этого слова. Но движение получателя речи от контекста к лексическому значению не означает зависимости последнего от первого. В самом объекте (языке/речи) зависимость имеет обратную направленность, т. е. направленность от лексического значения к контексту.

То же самое, в сущности, мы наблюдаем при пропуске слова. Например: «А тот его — палкой по спине». Лексическое значение «ударил» получатель речи может восстановить и восстанавливает

29 См. также: **Ефремов А. Ф.** Многозначность слова // Рус. яз. в школе. — 1957. — № 3. — С. 6—12; Филологические этюды. Сер, «Языкознание». — Изд-во Рост, ун-та, 1972 — Вып. 1. — С. 176.

именно благодаря тому, что контекст явился своего рода зеркалом, в котором отразилось упомянутое значение.

Указательная функция контекста (более очевидна в случае введения в контекст многозначного слова. Окружение слова в этом случае указывает получателю речи, какое значение многозначного слова актуализировал говорящий.

Как видим, при решении проблемы «лексическое значение и контекст» необходимо учитывать позицию отправителя и позицию получателя речи. На необходимость строго различать лингвистику отправителя и лингвистику получателя речи указал в выступлении на I международном симпозиуме «Знак и система языка» Р. О. Якобсон: «Две точки зрения — кодирующего и декодирующего, или, другими словами, роль отправителя и роль получателя сообщений должны быть совершенно отчетливо разграничены. Разумеется, это утверждение — банальность; однако именно о банальностях часто забывают. А между тем оба участника акта речевой коммуникации подходят к тексту совершенно по-разному» (Якобсон, 1965, 400—401). «Описание этих обоих аспектов одинаково законны и целесообразны. Если же исследователь занимается одним из них и при этом не отдает себе отчета в том, на какой точке зрения он стоит — говорящего или слушающего, то он оказывается в положении Журдена, который говорит прозой, не подозревая об этом. Еще опаснее противозаконный компромисс между обеими точками зрения» (Якобсон, 1965, 401).

Говорящий идет от значения к контексту, а слушающий — от контекста к значению. Но главную роль в этой «пьесе» играет говорящий.

Для того, чтобы лучше разобраться в проблеме «слово и контекст», попытаемся — в самом элементарном виде — представить себе процесс речеобразования.

Допустим, человек видит бегущую за кошкой собаку. Перед этим человеком стоит задача вербализовать ситуацию и сообщить о ней другому человеку. Осмыслив наблюдаемую картину, говорящий начинает поиски наиболее адекватных номинативных средств языка. Предположим, что он остановил свой выбор на словах *гнаться* (из ряда *убегать*, *мчаться*, *гнаться*, *преследовать*, *догонять*, *настигать*), собака (из ряда *собака*, *пес*, *бульдог*, *собачонка* и т. п.) и кошка (из ряда *кошка*, *кошечка*, *кот*, *котик*, *котенок* и т. п.). После этого ему остается лишь сочетать избранные лексемы по правилам грамматики русского языка. Искомая фраза готова: «Собака гонится за кошкой»³⁰.

³⁰ Более подробно процесс речеобразования рассматривается в 7-м разделе. См. также: *Общ. яз.*, 1972, 267—270.

Такова картина речеобразования, картина кодирования. При кодировании мы движемся от слова к тексту. При декодировании мы движемся в обратном направлении — от текста к слову. В этом случае мы действительно часто наблюдаем ситуацию, когда контекст (т. е. слова, известные получателю речи) подсказывает смысл того или иного неизвестного или непонятного слова. Но эту ситуацию было бы неверно называть зависимостью слова от контекста.

Кстати, если бы получателю речи не были известны также слова, образующие окружение данной лексемы, то он вообще не смог бы сделать умозаключение о значении впервые встретившегося ему слова. «Возможность осмысления значения незнакомого или пропущенного слова» в конечном счете связана с тем, что получатель речи владеет данным языком. Если это условие не соблюдено, то контекст оказывается ни о чем не говорящей цепочкой звуков (графем).

Если бы контекст обладал порождающей силой, то говорящему была бы безразлична мера языковой компетентности слушающего. Он мог бы использовать сколь угодно большое число незнакомых слушающему слов, исходя из того, что контекст снимет всякую неясность. Однако, как известно, так не поступает никто. Говорящий не рассчитывает на контекст, а сам в случае необходимости поясняет малознакомое слово, заменяет или устраняет его.

Если бы лексическое значение слова обуславливалось контекстом, то мы бы не знали «мук слова». Говорящий не тратил бы энергию и время на поиски наиболее уместного, «единственного» слова, а использовал бы первую попавшуюся лексическую единицу, придавая ей значение (или оттенок значения), требуемое контекстом. В то же время мы знаем, что это не так. Каждый раз, строя речь, мы долго перебираем в памяти слова, проверяя их пригодность, ища слово, лексическое значение которого наиболее точно накладывалось бы на тот или иной фрагмент описываемой ситуации. Следовательно, лексическое значение есть нечто заранее данное, синхронически устойчивое.

Если бы лексическое значение слова определялось контекстом, то в речи не могли бы иметь место семантические ошибки. Между тем такого рода ошибки встречаются в речи на каждом шагу.

Если слово лишено собственного содержания, то почему оно в разных случаях своего употребления получает одно и то же значение?

«...Невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций» (Карцевский, 1965, 85).

Слово не приспособляется к контексту, не деформируется в нем, а используется в том значении, которое оно имеет в языке. «Контекст в таких случаях — не генератор значений, а их внешний «проявитель»...» (Кацнельсон, 1972, 42).

«Если бы только контекст был катализатором значения, то это было бы равносильно отрицанию значения отдельно взятых слов... Концепция контекстуалистов фактически сводит сущность языка к бесформенному конгломерату и стоит в явном противоречии с его системной организацией» (Маковский, 1967, 138); она «приводит к неправомерному растворению языка в сумме разрозненных контекстов. Обобщающая сила языка сводится на нет. Контекст «приобретает не только всемогущее значение. За его пределами существование языка объявляется иллюзорным» (Будагов, 1978, 94).

Если бы контекст обладал порождающей силой, то он бы, очевидно, был способен порождать не только новые значения, но и новые слова. Однако случаи такого рода не наблюдались и не наблюдаются, поскольку всякий контекст строится из слов, известных говорящему.

«О наличии у слов собственных, самостоятельных значений, не зависящих от конкретного контекста», — замечает Д. Н. Шмелев, — весьма красноречиво говорят «бесчисленные факты каламбурного сталкивания различных значений одного и того же слова в намеренно двусмысленных контекстах» (Шмелев, 1964, 188).

«Слова, — пишет Ю. Д. Апресян, — отличаются друг от друга не своим собственным содержанием (оттенками значений), а значением сочетающихся с ними слов» (Апресян, 1969, 91). Возражая Ю. Д. Апресяну, Н. З. Котелова обратила внимание на возникающий таким образом круг: «...Ведь «сочетающиеся с ними слова» тоже сочетаются с первыми и с какими-либо другими, т. е. имеют «сочетающиеся слова», тогда у каких же слов «собственное содержание»?» (Котелова, 1975, 75).

Гипотеза порождающего контекста противоречит теории семантического согласования (В. Г. Гак, Ю. Д. Апресян), исходящей из того, что в контексте имеет место не порождение, а реализация и согласование (взаимное приспособление) значений. «...Семантически согласованные друг с другом слова А и В не приобретают общие смысловые элементы в тексте, а имеют их еще в словаре» (Апресян, 1974, 14). Вещь «сохраняет себя в соотношении с другой» (Гегель, 1937, 581). «...Языковые единицы сами семантически регламентируют состав своего окружения» (Медникова, 1979, 35).

«Отдельное слово, — пишет П. С. Попов, — конечно, уже имеет смысл, если мы имеем возможность связывать его с другим. Нет

оснований измышлять такую «логическую химию», согласно которой элементы, взятые «отдельно», мысли не составляют, а если их столкнуть вместе, они мысль образуют... Из бессмысленных элементов нельзя выковать мысли, поэтому отдельные элементы — слова свойством их мыслимости, т. е. постижением, пониманием, несомненно, обладают» (Попов, 1950, 6).

«Значение... есть тот неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте» (Выготский, 1956, 369—370).

«...Значение *органически* входит в язык, является его частью» (Медникова, 1974, 8; выделено автором. — Ю. Ф.).

Семантика — «базовое, абсолютное свойство, без которого двусторонняя (значимая) лингвистическая единица не может быть сама собой» (Слюсарева, 1981, 245).

Если бы значение слова было привязано к контексту, не был бы возможен компонентный анализ, не были бы возможны словари.

Многие лингвисты, с одной стороны, признают, что сама сочетаемость лексем определяется, мотивируется совместимостью их значений; с другой стороны, полагают, что лексическое значение обуславливается его окружением. Но эти положения противоречат друг другу.

Прежде чем осуществить комбинацию слов, нужно произвести их выбор. Выбор же слов предполагает знание их значений.

Если теорию порождающего контекста довести до логического конца, то придется сделать вывод, что выбор лексических значений и их оттенков регулируется не отправителем речи, а контекстом. Эта теория приписывает контексту творческую силу, которой на самом деле обладает говорящий.

Теория порождающего контекста, в сущности, означает, что язык обладает способностью порождать собственные единицы, т. е. сам себя.

Слово есть единица языка, контекст — явление речи. Как язык синхронически предшествует речи, так слово предшествует контексту.

В терминах философии лексическое значение и контекст можно интерпретировать как вещи и отношения. При этом известно, что не отношения порождают вещи, а вещи порождают отношения. Следовательно, преувеличение роли контекста не оправдано и с философской точки зрения.

Тезис о зависимости лексического значения от контекста является осознанной или неосознанной данью философскому релятивизму (см.: Резников, 1958, 59—63; Панфилов, 1977, 60—62). Этот тезис широко распространен в работах представителей за-

падного лингвистического структурализма, прежде всего — американского дескриптивизма, сводящего значение слова к его дистрибуции. Аналогичные высказывания мы найдем и у представителей датского структурализма. Так, Л. Ельмслев пишет: «...Любая сущность, а, следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте» (Ельмслев, 1960, 303). «Так называемые лексические значения в некоторых знаках есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте...» (Ельмслев, 1960, 303).

Нерешенность проблемы «слово и контекст» находит свое отражение в том, что у одного и того же автора можно встретить взаимоисключающие решения этой проблемы. Например, В. В. Виноградов в книге «Русский язык» пишет: «Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» (Виноградов, 1947, 14) (абсолютно правильная мысль!). И тут же добавляет: «Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его лексических форм» (Виноградов, 1947, 14). Ясно, что второе высказывание никак не может быть согласовано с первым и что оно полностью лишает слово собственного смысла.

Критикуя это высказывание, В. А. Звегинцев справедливо заметил: «Из этого определения явствует, что слово не обладает никакой смысловой самостоятельностью (его значение определяется контекстом его употребления) и что любое употребление есть уже и значение слова («сколько обособленных контекстов употреблений слова, столько и его значений»). Это, собственно, повторение известной мысли А. А. Потебни: «В слове все зависит от употребления. Употребление включает в себя и создание слова, так как создание есть лишь первый случай употребления»; (Звегинцев, 1957, 224).

Какова же позиция самого В. А. Звегинцева? Если читатель ограничится только что приведенной цитатой, то он неизбежно придет к выводу, что В. А. Звегинцев придерживается субстанциональной точки зрения на лексическое значение, т. е. не ставит его в зависимость от употребления, дистрибуции, контекста. Однако на других страницах той же книги читатель найдет высказывания прямо противоположного характера. Например: «В плане чисто лингвистическом значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами, ко-

торые составляют так называемую лексическую валентность слова» (Звегинцев, 1957, 224).

В книге «Языковые единицы и контекст» (Л., 1973) на с. 15 говорится: «Контекст не мотивирует структуру значения языковых единиц, а актуализирует значение...», а на с. 26 утверждается: «Кроме функции реализации и актуализации значения языковых единиц, контекст обладает еще функцией порождения речевых значений и единиц языка» (?!).

Уступку контекстуализму можно обнаружить и в книге Р. А. Будагова «Язык — реальность — язык» (М., 1983). «Словосочетание (контекст), — пишет Р. А. Будагов, — может изменить семантику слова, но, изменив его, слово начинает функционировать уже независимо от того словосочетания, которое способствовало изменению его значения» (Будагов, 1983, 210). В качестве примера Р. А. Будагов использует, в частности, слово *позор*, в котором значение «вид» сменилось значением «бесчестье». Однако можно ли считать, что это произошло под влиянием контекста — слова *столб*? Обратившись к значению слова *столб* («бревно, толстый брус, укрепленный в чем-либо вертикально, стоймя»), мы получим отрицательный ответ. Значение «бесчестье» у слова *позор* обусловлено не контекстом, а внеязыковой действительностью — практикой выставления преступников, привязанных к столбу, для всеобщего обозрения в качестве наказания. Таким образом, развитие значения слова *позор* шло в направлении: «вид, обозрение» → «быть выставленным для всеобщего обозрения (в качестве наказания)» → «быть обесчещенным, посрамленным».

Бесспорным доказательством влияния контекста на значение слова считаются случаи т. н. включения, или семантического стяжения (Н. А. Янко-Триницкая, Д. Н. Шмелев, Е. С. Копорская и др.). Например, слово *температура*, кроме собственного значения, получает значение «высокая температура», слово *вкус* — «хороший, изысканный вкус», слово *воздух* — «чистый, свежий воздух» (Янко-Триницкая, 1964, 19). Однако не следует ли считать, что новые значения в этих и других словах появились в результате естественного движения мысли, отражающей реальное положение вещей: «Температура свойственна любому живому организму. Когда мы имеем дело с больным человеком, то его температура, как правило, выше нормальной. В таком случае достаточно сказать «У него температура», чтобы каждый понял: речь идет о высокой температуре»?

Упомянув в качестве примера семантического стяжения слово *тройка*, которое благодаря частому употреблению в сочетании *тройка лошадей* получило значение «упряжка из трех лошадей», Е. С. Копорская пишет: «Это стяжение, очевидно, объясняется

актуальностью самой реалии (! — Ю. Ф.)..., так как в других подобных сочетаниях такого стяжения не произошло...» (Копорская, 1982, 159). И с этим объяснением нельзя не согласиться. Таким образом, даже в считающихся бесспорными случаях влияния контекста на семантику слова мы вновь и вновь обнаруживаем, что подлинной причиной изменения значения слова является внеязыковая действительность.

Если допустить, что контекст автоматически передает значение одного слова другому, то естественно предположить, что такая «передача» должна происходить всегда. На самом деле процессы включения имеют не сплошной и регулярный, а избирательный характер, что хорошо объясняется действием экстралингвистических факторов.

Полемизируя с контекстуалистами, А. И. Смирницкий писал: «Могут возразить, что значение «светлый» у слова *белый* определяется его соединением со словами *вино*, *хлеб* и пр. и противопоставлением в соответствующих случаях словам *красный*, *черный* и др., т. е. известными связями и соотношениями в языке». Конечно, это «нужно учитывать; но все же нельзя забывать того, что отличие значения слова *белый* в сочетаниях *белое вино*, *белый хлеб* и пр. от его обычного, «основного» значения («белый, как снег» и пр.) обусловлено реальным отличием цвета вина, хлеба и пр. от цвета снега и т. п. и значением самих соответствующих **предметов действительности**» (Смирницкий, 1955, 26; выделено автором. — Ю. Ф.).

К сказанному целесообразно добавить следующее. Объясняя семантические сдвиги в словах влиянием контекста, частой встречаемостью тех или иных лексем, исследователи не учитывают того, что частая встречаемость слов является отражением частой встречаемости реалий.

Кроме того, важно помнить, что в случаях типа *температура*, *вкус*, *воздух*, *тройка* и подобных не имеет места появление новой информации, «контекстуального порождения нового значения». Перед нами — денотативно мотивированная «семантическая конденсация», которую можно интерпретировать как проявление тенденции к экономии языковых средств.

Так же, как семантическое стяжение, есть основания трактовать «семантическое заражение» (например, появление у слова *злокачественный* в результате его частого употребления с названиями болезней нового значения «очень опасный, грозящий смертью»), процессы дифференциации (например, семантическую дифференциацию слов *ствол* и *стебель*) и аналогии (Копорская, 1982, 160, 163). Как пишет сама Е. С. Копорская, «распределение значений здесь обусловлено потребностями номинации

(! — Ю. Ф.) и происходит на понятийной основе» (Копорская, 1982, 164).

Причины семантических изменений следует искать прежде всего в экстралингвистической действительности, в абстрагирующей работе человеческого мышления. «...Дескриптивистское направление языкознания, — пишет В. Г. Гак, — значение слов стремилось вывести прежде всего из их синтагматической дистрибуции, недооценивая их парадигматические отношения, т. е. их отношение к экстралингвистическим объектам. Между тем никогда нельзя будет до конца понять семантические процессы в языке, сдвиги в значении слов, закономерности синонимических семантических преобразований, если игнорировать описываемую словами объективную реальность» (Гак, 1971, 95).

«Конечная причина», определяющая все многообразие чисто языковых импульсов смыслового движения словаря, в конце концов обусловлена развитием понятий и потребностями коммуникации» (Будагов, 1963, 20).

«...Не следует думать, будто полисемия создается, порождается контекстом, — пишет Ю. С. Маслов, — будто причина появления семантических вариантов кроется в меняющемся контекстном окружении слова». «Полисемия создается вовсе не включением слова в новые контексты, преобразующие его значение, а общественной потребностью — либо в подходящем названии для нового предмета или явления, либо в новом (например, более экспрессивном и т. д.) названии для предмета старого, уже как-то обозначавшегося... Что же касается контекста, то он лишь подсказывает слушателю (читателю) *выбор* нужного («актуального») значения из нескольких «потенциальных»...» (Маслов, 1975, 129, 130; выделено автором. — Ю. Ф.).

Новые значения (так же, как и новые слова) возникают не под давлением контекста, а под давлением внеязыковой действительности, в результате абстрагирующей работы человеческого мышления, обнаруживающего черты сходства между отдельными предметами и осуществляющего перенос наименования с одного предмета на другой.

Принято считать, что все изменения языка начинаются в речи. Но речь есть результат действия сложного психолингвистического механизма, и именно на этом уровне следует искать начало всех изменений языка. Говорящий, программируя речь, производит самостоятельный поиск и отбор номинативных средств языка, принимает решение о том, в каком — стандартном или нестандартном — значении употребить ему то или иное слово. Всякое языковое новшество диктуется волей говорящего и возникает в индивидуальном языке (см.: Скребнев, 1964, 12; а также: Шахматов, 1941, 107; Курилович, 1962, 422; Копыленко,

1965, 196; Основы теор. реч. деят., 1974, 195; Маковский, 1976, 41). Факт индивидуального языка находит отражение в индивидуальной речи. Если этот факт соответствует социальной потребности, то он принимается многими индивидуальными языками, т. е. языком в целом; если нет — он остается фактом индивидуальной речи. Примером могут служить метафоры *Часы идут* и *грамматика любви*.

В соответствии с уровнем языка и уровнем речи выделяют синонимы языка и синонимы речи, антонимы языка и антонимы речи. Синонимами и антонимами языка слова являются, синонимами и антонимами речи — становятся. Языковыми синонимами являются, например, слова *тратить* и *расходовать*, речевыми синонимами могут стать слова *авоська* и *эрудиция*, если то и другое мы используем для обозначения одного и того же предмета — толстого портфеля. Языковыми антонимами являются, например, слова *добрый* и *злой*, *начало* и *конец*; речевыми антонимами могут стать (и стали у Пушкина) слова *волна* и *камень*.

6.5. СТИЛИСТИКА

В науке еще нет полного единодушия в оценке стиля с позиций учения о языке и речи. Есть исследователи, которые выводят понятие стиля за пределы языка. К ним относятся, в частности, П. Г. Черемисин, автор «Русской стилистики» для студентов-заочников. Он пишет: «...Искать в самом языке стили бессмысленно: ведь язык сам по себе не выражает мыслей и чувств людей, мысли и чувства выражают с помощью языка люди, создавая для этого речь³¹. Поэтому искать и вычленять стили нужно не в языке, а в речи. Стил — совокупность тех или иных средств языка, а совокупность речевых произведений определенного содержания и особой стилистической окраски, или тональности» (Черемисин, 1979, II, 30).

Однако, наряду с этим, мы найдем в «Русской стилистике» и другие высказывания, противоречащие ему и подводящие читателя к выводу о том, что стил — явление языка. Вот эти высказывания: «Язык, вне всякого сомнения, располагает различными средствами, которые образуют те или иные ряды, «пласты», «совокупности» (Черемисин, 1979, II, 30); «Связанные с речевыми стилями нормы отбора языковых средств в определённой мере обязательны для всех, поэтому данные стили являются относительно воспроизводимыми и характеризуются значительной устойчиво-

31 Этот аргумент производит впечатление какого-то недоразумения: кто и когда утверждал, что мысли и чувства выражают не люди, а язык (а значит, стил)? Кто и когда ставил знак равенства между стилем и конкретными мыслями людей?

стью» (Черемисин, 1979, II, 33); «Каждый речевой стиль представляет собой исторически сложившуюся разновидность речи...» (Черемисин, 1979, II, 37); «Носителям современного литературного языка речевые стили перешли от предшествующих поколений как нечто *готовое*, следовательно, в определенном смысле *воспроизводимое* (выделено автором. — Ю. Ф.). Современное общество действительно не создает новых стилей, а использует существующие...» (Черемисин, 1979, II, 38); «...Обычно мы без труда отличаем буквально по нескольким строчкам один стиль от другого. Это значит, что характерные черты (приметы) того или иного стиля не исчезают (! — Ю. Ф.) в речевом потоке, а служат для носителей языка своего рода ориентирами (можно было бы сказать — моделями), в соответствии с которыми создаются «речевые произведения».

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что носители литературного языка обычно правильно определяют принадлежность тех или иных контекстов к соответствующим речевым стилям потому, что о каждом (или о многих) у них имеются достаточно полные и четкие представления» (Черемисин, 1979, II, 38).

Однако если стили представляют собой нечто готовое, воспроизводимое, обязательное для всех, передаваемое от поколения к поколению, своего рода модели, в соответствии с которыми создаются речевые произведения, то это как раз и означает, что стили есть факт языка.

Ранее предложенное П. Г. Черемисиным определение стиля как «совокупности речевых произведений определенного содержания и особой стилистической окраски...», (Черемисин, 1979, II, 30) находится в резком, непримиримом противоречии со всеми отмеченными самим П. Г. Черемисиным признаками стилей.

С одной стороны, П. Г. Черемисин выносит стиль за пределы языка, с другой стороны — пишет о «*стилистической системе* (выделено автором. — Ю. Ф.) современного русского литературного языка» (Черемисин, 1979, I, 10), о стилистике языка (! — Ю. Ф.) и стилистике речи и определяет стилистику как «науку о стилистической системе современного русского литературного языка и о стилистической организации современной литературной речи» (Черемисин, 1979, I, 14).

Таким образом, стиль следует признать фактом языка (который, естественно, регулярно появляется в речи, реализуясь в однотипных контекстах). Стиль — не «совокупность речевых произведений» (П. Г. Черемисин), а некая модель, по которой они строятся (П. Г. Черемисин).

Возможно, П. Г. Черемисин забывает о том, что, поскольку язык не дан языковеду в непосредственном, прямом наблюдении,

мы всегда изучаем его через речь. Но, изучая речь, мы изучаем язык. О том же самом можно сказать другими словами: изучая язык в динамике (в процессе функционирования), мы изучаем язык в статике (язык как знаковую систему, предназначенную для коммуникации).

Многие исследователи разговорной речи к специфике бытового стиля относят разнообразные отклонения от норм языка, прежде всего — от норм синтаксиса. Например: «А у нас нервная, которая клиника, так она лечит с параличами»; «Ну вот который купили мы сахар, он в мешке»; «Та, которая здесь стояла лампа, я ее не брал»³². Но если всякого рода синтаксические аномалии признать спецификой бытового стиля, его нормой, то придется сделать вывод, что всем этим аномалиям нужно обучать. При таком подходе учитель, услышав от своего ученика фразу вроде «Сахар, что мы купили, в мешке», должен останавливать ученика, указать ему на его ошибку и потребовать построить фразу примерно так: «Ну вот который купили мы сахар, в мешке он». Таким образом, в разговорной (да и не только разговорной) речи могут иметь (и часто имеют) место синтаксические аномалии, но они вовсе не являются языковой спецификой (нормой) разговорно-бытового стиля.

Вопросы для самопроверки

1. Каков статус лингвистических единиц на уровне языка и на уровне речи?;
2. Охарактеризуйте фонему, морфему и лексему на уровне языка и на уровне речи.
3. В чем заключается фонологическая природа русской графики?
4. Что представляет собой фонематический принцип русской орфографии?
5. С позиций учения о языке и речи охарактеризуйте понятие предложения.
6. Что такое неполное предложение?
7. Охарактеризуйте значение слова на уровне языка и на уровне речи.
8. Можно ли говорить о порождающей функции контекста по отношению к значению слова?
9. Охарактеризуйте стиль с позиций учения о языке и речи.

³² Примеры извлечены из книги: Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка, — М., 1968. — 349.

7. О МЕХАНИЗМЕ РЕЧЕОБРАЗОВАНИЯ

Общую характеристику речи мы уже дали в 3-м разделе пособия. Однако что представляет собой сам процесс речеобразования?

Процесс речеобразования в самом общем виде можно представить следующим образом.

Первое звено этой длинной цепи — восприятие человеком какого-либо события и осмысление последнего. Формирующаяся, еще не вылившаяся в словесные формы мысль носит нерасчлененный и смутный характер. Для того чтобы она полностью сформировалась и могла быть объективирована (т. е. передана другим), она должна, быть вербализована. Иначе говоря, она должна вылиться в языковые формы. Говорящий начинает активный поиск и отбор номинативных средств языка (слов и фразеологизмов), которые с максимальной точностью отражают формирующуюся мысль. «В процессе подыскания нужного слова человек мысленно «бродит» по всем закоулкам имеющегося в его распоряжении семантического поля, испытывая многократно описанные «муки слова», стремясь «поймать за хвост» ускользающее из памяти самое точное, самое подходящее для данной ситуации слово» (Звегинцев, 1968, 47). При отборе слов производитель речи принимает во внимание лексическое значение слов, их эмоционально-оценочный и стилистический компоненты, а также грамматические свойства. Подобрав необходимые слова, говорящий должен осуществить их комбинацию (соединение). Требуется состыковать слова друг с другом с учетом их семантических, эмоционально-оценочных, стилистических и грамматических свойств. В связи с этим принято говорить о семантическом, эмоционально-оценочном, стилистическом и синтаксическом согласовании.

Семантическое согласование предполагает наличие в значениях двух слов одной общей семы, иначе — совпадающей части значения (а — соответственно — у двух обозначаемых предметов одного общего признака). Например, между словами *человек* и *мыслит* семантическое согласование есть, поскольку в реальной действительности человеку свойственно мыслить, а между словами *озеро* и *мыслит* семантического согласования нет, поскольку в реальной действительности озеру мыслить не свойственно.

Эмоционально-оценочное согласование предполагает совпадение или близость эмоционально-оценочных характеристик двух слов. Например, между словами *лицо* и *человек* (*лицо человека*) эмоционально-оценочное согласование есть, а между словами *рожа* и *человек* (*рожа человека*) эмоционально-оценочного согласования нет.

Стилистическое согласование предполагает совпадение или близость стилистических характеристик слов. Например, между словами *поэт* и *скончался* стилистическое согласование есть, а между словами *бродяжка* и *скончался* стилистического согласования нет.

Грамматическое (синтаксическое) согласование — это согласование слов по их грамматическим свойствам. Например, между словоформами *поезд* и *пришел* синтаксическое согласование есть, а между словоформами *поезд* и *пришла* синтаксического согласования нет.

После того как соединение слов завершено и речевое произведение (предложение, точнее — фраза) построено, процесс кодирования завершен, и на авансцену выступает слушающий, начинающий³³ процесс декодирования, т. е. расшифровки речевого произведения (текста).

Прежде чем мы охарактеризуем процесс декодирования (восприятия речи), следует уточнить понятие текста. Принято говорить, что текст имеет смысл. В принципе это верно. Но не совсем. Строго говоря, смысл текста находится не в самом тексте, а в голове человека, владеющего языком. Как пишет И. Н. Горелов, «весьма многое из того, что лингвисты часто приписывают тексту (в плане его содержательности, цельности, связности на содержательном уровне), в нем не содержится. Несколько упрощая, можно сказать, что после обнаружения «подтекста» (не в тексте), «затекста» (вне текста), «предтекста» (вне текста) и «контекста» (частично вне текста) собственно текст придется рассматривать лишь как некую последовательность графических или звуковых сигналов, отсылающих реципиентов в область внетекстового» (Горелов, 1984, 25). «Значение и звук, — говорит У. Чейф, — играют не равные роли в речевом акте. Значение присутствует как в начале, так и в конце этого акта, в то время как звук занимает срединное положение» (Чейф, 1975, 74).

В строгом смысле слова текст, отделенный от психики коммуникантов, — это цепочка звуков (или букв). Смысл текста не входит в текст на правах его постоянной компоненты, а каждый раз, при каждом новом восприятии текста создается заново. Не случайно один и тот же текст воспринимается разными людьми (и даже одним человеком в разное время) по-разному, с большими или меньшими отличиями. Не исключены случаи, когда один и тот же текст разными людьми интерпретируется прямо противоположным образом.

33 Точнее, слушающий начинает расшифровывать речь не после того, когда она полностью завершена, а уже в тот момент, когда речь началась.

Процесс декодирования начинается с восприятия звуковых (или графических) комплексов, образующих текст. Восприняв эти звуковые комплексы, получатель речи связывает их с соответствующими им языковыми значениями, одинаковыми для говорящего и слушающего. Из этих языковых значений слушающий конструирует (собирает) речевой смысл, т. е. мысль, в большей или меньшей степени подобную той, которая возникла в голове говорящего. Из сказанного следует, что привычное выражение «Люди с помощью речи передают друг другу свои мысли» является неточным. Мысль есть функция мозга и не может быть передана другому человеку. Строго говоря, люди не передают мысли, а пытаются с помощью речи возбудить в сознании слушателя мысль, подобную своей.

Говорящий идет от мысли к языковой форме, слушающий — от языковой формы к мысли.

Речевая деятельность человека (любого человека, а не только художника слова!) носит творческий характер. «Творческий характер процесса речевой деятельности определяется не только оригинальностью и неповторимостью человеческих идей, но и способностями (лучше — «способностью». — Ю. Ф.) человека облечь его мысли в разные языковые формы...» (Кубрякова, 1986, 147).

Вопросы для самопроверки

1. Расскажите, как протекает процесс кодирования (речеобразования).
2. Как протекает процесс декодирования (восприятия речи)?
3. Является ли вполне точным выражение «Люди с помощью речи передают друг другу свои мысли»?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги.

Язык — это стихийно возникшая уникальная система знаков, являющаяся средством общения людей (предназначенная для коммуникации), а речь — это язык в действии, это сам процесс коммуникации с помощью языка. Язык и речь — это не два самостоятельных объекта, а два состояния одного объекта. Язык относится к речи, как статика к динамике, сущность к явлению, общее к частному, абстрактное к конкретному, возможность к действительности.

Язык существует (локализуется) в мозгу человека, а объективируется в речи. Он имеет психическую (психофизиологиче-

скую, нейрофизиологическую), а речь — психофизическую («психофизиолого-физическую») природу.

Единицей языка в строгом смысле этого термина является слово. Фонемы и морфемы — это «сырой» материал языка, обслуживающий его внутренние потребности, это его элементы, предложение (фраза) — это свободная комбинация единиц (слов), выполняющая коммуникативную функцию, а синтаксическое словосочетание—два или несколько непосредственно связанных друг с другом слов (членов предложения).

Лингвистическая единица на уровне языка так относится к лингвистической единице на уровне речи, как язык—к речи, психическое (психофизиологическое) — к физическому (психофизическому), сущность — к явлению, общее — к частному, абстрактное — к конкретному, возможность — к действительности, инвариант — к варианту.

Процесс речевой коммуникации состоит из двух основных звеньев — кодирования и декодирования. Кодирование — это процесс «превращения» мысли в слово (речь), декодирование — процесс превращения слова в мысль. Строго говоря, производитель речи не «передает свои мысли слушающему», а пытается возбудить в сознании получателя речи мысли, аналогичные его мыслям.

Речевая деятельность человека—это сложный творческий процесс.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. — Т. 18. — М., 1961 — 525 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — 629 с.

Аллендорф К. А. Проблема лексического значения, знака и значимости с позиции ленинской теории отражения // Сборник статей по французской лингвистике и методике преподавания иностранного языка в вузе. — М., 1971. — Вып. 3. — Ч. 1. — С. 7—31.

Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. — Л., 1963. — 208 с.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М., 1974. — 367 с.

Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы // Вопр. языкознания. — 1969. — № 4, — С. 75—91.

Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // Вопр. языкознания. — 1971. — № 6. — С. 63—73.

Арутюнова Н. Д. О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке // Филол. науки. — 1962 — № 2. — С. 31—40.

Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М., 1972 — С. 259—343.

Аспекты семантических исследований / Отв. ред. — Н. Д. Арутюнова и \ А. А. Уфимцева. — М., 1980.—356 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966— 607 с.

- Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б.** Современные синтаксические теории. — Изд-во МГУ, 1963. — 166 с.
- Беляев Б. В.** О взаимоотношении мышления, языка и речи // *Вопр. психологии.* — 1958. — № 3. — С. 11—24.
- Бенвенист Э.** Общая лингвистика. — М., 1974. — 447 с.
- Березин Ф. М., Головин Б. Н.** Общее языкознание. — М., 1979. — 416 с.
- Бодуэн де Куртёна.** Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. 1, 2.
- Будагов Р. А.** Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени — М., 1978 — 248 с.
- Будагов Р. А.** К критике релятивистических теорий слова // *Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике.* — М., 1961. — С. 5—29.
- Будагов Р. А.** Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). — Изд-во МГУ, 1963. — 302 с.
- Будагов Р. А.** Язык — реальность — язык. — М., 1983. — 262 с.
- Булыгина Т. В.** Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования // *Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода».* — М., 1967. — С. 5—9.
- Булыгина Т. В.** О границах между сложной единицей и сочетанием единиц // *Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие.* — М., 1969. — С. 223—230.
- Бурмако В. М.** Создает ли контекст новые значения слов и фразеологизмов? // *Проблемы фразеологии: Межвуз. сб. науч. тр.* — Тула, 1980. — С. 42—47.
- Буслаев Ф. И.** О преподавании отечественного языка. — М., 1844. — Ч. 1. — 335 с.
- Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове). — М.; Л., 1947. — 784 с.
- Выготский Л. С.** Мышление и речь // *Выготский Л. С. Избр. психолог. исслед.* — М., 1956 — С. 37—386.
- Гак В. Г.** Высказывание и ситуация // *Проблемы структурной лингвистики.* 1972 — М., 1973. — С. 349—372.
- Гак В. Г.** К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // *Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Науч. конф. Тез. докл.* — М., 1971. — Ч. 1. — С. 95—98.
- Гак В. Г.** К проблеме семантической синтагматики // *Проблемы структурной лингвистики.* 1971 — М., 1972 — С. 367—395.
- Гак В. Г.** О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) // *Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода».* — М., 1967. — С. 14—18.
- Гак В. Г.** Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис — М., 1981. — 208 с.
- Гардинер А.** Различие между «речью» и «языком» // *Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях.* — М., 1965. — Ч. 2. — С. 14—21.
- Гвоздев А. Н.** Современный русский литературный язык. — М., 1958. — Ч. 1 и 2.
- Гегель Г. В. Ф.** Соч. — М., 1937. — Т. V. — 715 с.
- Головин Б. Н.** Введение в языкознание. — 2-е изд., испр. — М., 1978. — 320 с.
- Горелов И. Н.** Проблема лингвистического обеспечения искусственного интеллекта // *Вопр. Языкознания.* — 1984. — № 5. — С. 20—27.
- Гумбольдт В.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // *Звегинцев В. А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков.* — М., 1956. — С. 68—86.
- Данеш Ф. Р., Гаузенблас К.** Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств // *Единицы разных уровней*

грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969, — С. 7—20.

Дмитриева Н. С. К вопросу о природе словосочетания как синтаксической единицы языка // Вопросы современного русского литературного языка и методики преподавания его в школе. — Свердловск, 1963. — С. 68—83.

Дмитриева Н. С. Об установлении семантической структуры многозначных фразеологических единиц // Уч. зап./Башкир. гос. ун-т. — 1971. — Вып. 43. Сер. филол. наук. — № 16(20). Очерки по семантике русского глагола. — С. 12—26.

Домбровский Й. Знак и смысл // Вопр. Языкознания — 1973. — № 6. — С. 22—32.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. — М., 1960 — Вып. 1. — С. 264—389.

Жинкин Н. И. Интеллект, язык и речь // Нарушение речи у дошкольников. — М., 1972. — С. 9—31.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. — Изд-во МГУ, 1976. — 307 с.

Звегинцев В. А. Семасиология. — Изд-во МГУ, 1957. — 323 с.

Звегинцев В. А. Смысл и значение // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. — Изд-во МГУ, 1973¹. — Вып. 6. Теоретич. и эксперим. исслед. в обл. структ. и прикл. лингв. — С. 91—98.

Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. — М., 1968. — 336 с.

Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. — Изд-во МГУ, 1973². — 248 с.

Зимек Р. К структурному пониманию предложения. Diskuse o knize «Основы построения описательной грамматики русского литературного языка» // Ceskoslovenska rusistika. — 1967. — № 2. — С. 83—85.

Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, — 3-е изд., доп. — М., 1965. — Ч. 2. — С. 85—90.

Касаткин Л. Л. Графика и орфография // Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. — 2-е изд., испр. — М., 1988. — С. 131 —144.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л., 1972, — 216 с.

Климов Г. А. Фонема и морфема: К проблеме лингв. единиц. — М., 1967. — 128 с.

Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии. — М., 1979, — 96 с.

Колшанский Г. В. О правомерности различения языка и речи // Иностранные языки в высшей школе. — М., 1964. — Вып. 3. — С. 17—27.

Колшанский Г. В. О природе контекста // Вопр. языкознания. — 1959. — № 4. — С. 47—49.

Копорская Е. С. Семантические преобразования слова, контекстуально стимулируемые и контекстуально нестимулируемые // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. — М., 1982. — С. 154—166.

Копыленко М. М. О соотношении языка и речи в связи с проблемами изучения сочетаний лексем // Филологический сборник. — Алма-Ата, 1965. — Вып. IV. — С. 192—199.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. 3. — С. 143—343.

Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. — Л., 1975. — 163 с.

Кривоносов А. Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // Вопр. языкознания. — 1986. — № 6. — С. 23—37.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М., 1986. — 158 с.

- Кузнецова Э. В.** Методические указания и материалы к спецсеминару «Системные отношения в лексике». — Донецк, 1968. — 79 с.
- Курилович Е.** Очерки по лингвистике. — М., 1962. — 256 с.
- Левковская К. А.** Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. — М., 1962. — 296 с.
- Леонтьев А. А.** Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. — М., 1961. — С. 163—190.
- Леонтьев А. А.** Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — М., 1969. — 307 с.
- Литвин Ф. А.** Слово в речи как реализация языковой программы // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. четверт. лингв. конф. «Слово в языке, речи и тексте» (7—8 мая 1974 г.). — Новосибирск, 1974. — С. 3—5.
- Ломтев Т. П.** Язык и речь // Вестник МГУ. Филология, журналистика. — 1961. — № 4. — С. 65—70.
- Лурья А. Р.** Новое в психолингвистике и психологии познавательных процессов // Вопр. психологии. — 1972. — № 3. — С. 164—170.
- Маковский М. М.** Рецензия на книгу А. Ж. Греймаса «Структуральная семантика» // Вопр. языкознания. — 1967. — № 5. — С. 132—140.
- Маковский М. М.** Соотношение индивидуальных и социальных факторов в языке // Вопр. языкознания. — 1976. — № 1. — С. 40—54.
- Маслов Ю. С.** Введение в языкознание. — М., 1975. — 328 с.
- Маслов Ю. С.** Знаковая теория языка // Вопросы общего языкознания. — Л., 1967₁. — С. 109—126.
- Маслов Ю. С.** Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? // Язык и мышление. — М., 1967₂. — С. 284—294.
- Медникова Э. М.** Значение слова и методы его описания. — М., 1974. — 202 с.
- Медникова Э. М.** Разграничение понятий «свободное сочетание», «фразеологическая единица», «аналитическая единица» / Проблемы аналитизма в лексике. — М., 1967. — Вып. 1. — С. 92—100.
- Медникова Э. М.** Сочетаемость слов и соотношение «норма языка — норма речи» (на материале русского и английского языков) // Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца. — 1979. — № 145. Проблемы сочетаемости слов. — С. 32—37.
- Межвузовская конференция на тему «Язык и речь» (27 ноября — 1 декабря). — М., 1962 — 125 с.
- Мельников Г. П.** Кибернетический аспект различения сознания, мышления, языка и речи // Язык и мышление. — М., 1967. — С. 232—243.
- Моисеев А. И.** Единицы языка и единицы речи // Prace filologiczne Warszawa — 1977₁. — Т. XXVII. — С. 31—44.
- Моисеев А. И.** Интеграция языковых единиц // Studia rossica posnaniensia. — Jezykoznanstwo. — Poznan. — 1973. — Z. 4. — С. 115—122.
- Моисеев А. И.** Некоторые вопросы теории словосочетаний // Филол. науки. — 1977₂. — № 2. — С. 54—60.
- Мыркин В. Я.** В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности // Вопр. языкознания. — 1986. — № 3. — С. 54—61.
- Мыркин В. Я.** К вопросу об объективности существования языка: Попытка филос. интерпретации дихотомии язык — речь // Филол. науки. — 1971. — № 4. — С. 49—55.
- Мыркин В. Я.** Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык — речь // Вопр. языкознания. — 1970₁. — № 1. — С. 102—108.
- Мыркин В. Я.** Различные толкования соотношения: язык — речь // Иностр. языки в школе. — 1970₂. — № 1. — С. 28—36.
- Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М., 1972. — 565 с.
- Основы теории речевой деятельности. — М., 1974. — 368 с.

- Павлов В. М.** Языковая способность человека как объект лингвистической науки // Теория речевой деятельности: Проблемы психолингвистики. — М., 1968. — С. 36—68.
- Панфилов В. З.** Взаимоотношение языка и мышления. — М., 1971. — 232 с.
- Панфилов В. З.** Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. — М., 1977. — 287 с.
- Попов П. С.** Суждение и предложение // Вопросы синтаксиса Современного русского языка. — М., 1950. — С. 5—35.
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Лексическая система языка: Внутр. орг., категор. аппарат и приемы изучения: Учеб. пособие. — Воронеж, 1984. — 148 с.
- Распопов И. П.** Очерки по теории синтаксиса. — Воронеж, 1973. — 220 с.
- Распопов И. П.** Язык как система знаков в свете ленинской теории отражения // Современные проблемы русского языка и методики его преподавания в вузе и школе: Материалы XIV межвуз. конф. языковедов Поволжья. 20—22 мая 1970 г., Саратов. — Саратов, 1972. — С. 3—4.
- Резников Л. О.** Понятие и слово. — Изд-во ЛГУ, 1958. — 124 с.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. — М., 1972. — 495 с.
- Русский язык:** Энциклопедия. — М., 1979. — 431 с.
- Сидоров Е. В.** Проблемы речевой системности. — М., 1987. — 140 с.
- Скребнев Ю. М.** О разграничении и противополжении понятий «язык» и «речь» // Уч. зап. / Башкир. гос. ун-т. — 1964. — Вып. 15. Сер. филол. наук, № 6. — С. 5—12.
- Словарь русского языка:** В 4 т. — М., 1957—1961.
- Слюсарева Н. А.** О семантической и функциональной сторонах языковых явлений // Теория языка, методы его исследования и преподавания. — Л., 1981. — С. 243—249.
- Слюсарева Н. А.** Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. — М., 1963. — С. 185—208.
- Слюсарева Н. А.** Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. — М., 1975. — 112 с.
- Слюсарева Н. А.** Теория ценности единиц языка и проблема смысла // Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». — М., 1967. — С. 64—69.
- Смирницкий А. И.** Лексикология английского языка. — М., 1956. — 260 с.
- Смирницкий А. И.** Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. — М., 1955. — С. 11—53.
- Смирницкий А. И.** Объективность существования языка. — Изд-во МГУ, 1954. — 33 с.
- Солнцев В. М.** Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопр. языкознания. — 1984; — № 2. — С. 31—42.
- Солнцев В. М.** О понятии уровня языковой системы // Вопр. языкознания — 1972. — № 3. — С. 3—19.
- Солнцев В. М.** Язык как системно-структурное образование. — 2-е изд. — М., 1977. — 341 с.
- Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977. — С. 31—273.
- Степанов Ю. С.** Основы языкознания. — М., 1966. — 271 с.
- Стернин И. А.** Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985. — 171 с.
- Торопцев И. С.** Идеальная сторона лексической единицы в отношении к другим результатам отражательной деятельности психики человека // Краткие очерки по русскому языку. — Воронеж, 1964. — С. 17—22.
- Торопцев И. С.** Язык и речь. — Воронеж, 1985. — 199 с.
- Уфимцева А. А.** Слово в лексико-семантической системе языка. — М., 1968. — 272 с.

- Фоменко Ю. В.** К вопросу о единице языка // Изв. СО АН СССР. — 1979. — № 11. — Сер. обществ. наук. — Вып. 3 — С. 119—125.
- Фоменко Ю. В.** Проблема словосочетания с позиций учения о единицах языка // Изв. / Воронеж, гос. пед. ин-т. — 1976. — Т. 172. Рус. синтаксис. — С. 13—16.
- Фоменко Ю. В.** Является ли словосочетание единицей языка? // Филол. Науки. — 1975. — № 6 — С. 60—65.
- Хабургаев Г. А.** Схема соотношения элементов мыслительно-речевой системы // Язык и мышление. — М., 1967. — С. 295—302.
- Харченко Н. П.** Существует ли языковая единица более высокого порядка, чем предложение? // Спорные вопросы синтаксиса. — Изд-во МГУ, 1974. — С. 216—225.
- Чейф У.** Значение и структура языка. — М., 1975. — 432 с.
- Черемисин П. Г.** Русская стилистика. — М., 1979. — Ч. 1, 2.
- Черемисина М. И.** Лекции по лингвистике: Язык. Речь. Текст. — Новосибирск, 1970. — 124 с.
- Чесноков П. В.** Основные единицы языка и мышления. — Ростов/Д, 1966. — 287 с.
- Чикобава А. С.** К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции // Язык и мышление. — М., 1967. — С. 16—30.
- Чикобава А. С.** Проблема языка как предмета языкознания: На материале зарубеж. языкознания. — М., 1959. — 179 с.
- Шарадзенидзе Т. С.** Проблема взаимоотношения языка и речи. — Тбилиси, 1971. — 50 с.
- Шахматов А. А.** Очерк современного русского литературного языка. — 4-е изд. — М., 1941. — 288 с.
- Шмелев Д. Н.** Очерки по семасиологии русского языка. — М., 1964. — 244 с.
- Щур Г. С.** Теории поля в лингвистике. — М., 1974. — 255 с.
- Якобсон Р. О.** Выступление на I международном симпозиуме «Знак и система языка» (Эрфурт, ГДР, 1959) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — 3-е изд., доп. — М., 1965. — Ч. 2. — С. 395—402.
- Янко-Триницкая Н. А.** Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М., 1964, — С. 18—35.
- Янкошвили М. В.** Механизм языка и порождаемые им свойства речи // Филол. науки. — 1969. — № 6. — С. 94—100.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Звегинцев В. А.** Теоретическая и прикладная лингвистика. — М., 1968. — С. 94—101.
- Кацнельсон С. Д.** Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра // Вопросы общего языкознания: Материалы республик, семинара преподавателей общ. языкознания. — Л., 1967. — С. 29—36.
- Кузнецов П. С.** О языке и речи // Вестн. МГУ. Филология, журналистика. — 1961, — № 4. — С. 59—65.
- Ломтев Т. П.** Язык и речь // Вестн. МГУ. Филология, журналистика. — 1961. — № 4. — С. 65—70.
- Мыркин В. Я.** К вопросу об объективности существования языка: Попытка филос. интерпретации дихотомии язык — речь // Филол. науки. — 1971. — № 4. — С. 49—55.

Мыркин В. Я. Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык — речь // *Вопр. языкознания*. — 1970. — № 1. — С. 102—104.

Мыркин В. Я. Различные толкования соотношения: язык — речь // *Иностр. языки в школе*. — 1970. — № 1. — С. 28—36.

Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М., 1970. — С. 85—91.

Слюсарева Н. А. К выходу в свет критического издания «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра // *Филол. науки*. — 1971. — № 4. — С. 56—64.

Смирницкий А. И. Объективность существования языка. — Изд-во МГУ, 1954. — 33 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977 — С. 31—273.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
1. Предпосылки разграничения языка и речи	4
2. Из истории вопроса. Дихотомия языка и речи у Соссюра.....	4
3. Современное понимание проблемы	9
4. О способе существования языка.....	20
5. О единицах (единице) языка	24
6. Лингвистические единицы на уровне языка и на уровне речи.....	46
6.1.Общая характеристика	46
6.2.Графика и орфография	48
6.3.Синтаксис	51
6.4.Лексика	52
6.5.Стилистика	65
7. О механизме речеобразования	68
Заключение.....	70
Цитируемая литература	71
Рекомендуемая литература.....	76

Юрий Викторович Фоменко

ЯЗЫК И РЕЧЬ

Учебное пособие

Темплан 1990 г., поз. 160

Редактор **В. Я. Тихонова**

Технический редактор **О. А. Осинцева**

Художник обложки **А. А. Заплавный**

Сдано в набор 19.10.89г. Подписано к печати 23.04.90. Формат бумаги 60X84/16. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч. изд. л. 5. Усл. печ. л. 5. Тираж 500 экз. Заказ № 99. Цена 75 коп.

Пединститут, 630126, Новосибирск, 126, Виллюйская, 28, ППО «Печать», 630007, Новосибирск,
Красный проспект, 22.